

Андрей Чернецов

Владимир Лещенко

Обреченный рыцарь

Напророчили? Ничего, мы им тоже в ответ наворочаем!

Андрей Чернецов
Обреченный рыцарь

«Автор»

2007

Чернецов А.

Обреченный рыцарь / А. Чернецов — «Автор», 2007

А знаете ли вы, кто изобрел рецепты «Киевского торта» и котлеты по-киевски, придумал славянскую азбуку, воздвиг в Киеве Софийский собор и предложил переименовать мать городов русских в Константинополь? Вот и Гавейн с Парсифалем не знали до тех пор, пока судьба не забросила их в эту «варварскую страну». А что делать, если в родной Римской империи они объявлены вне закона за поддержку узурпаторских планов Мерлина и Артура? Вот и пришлось бывшим рыцарям Круга Стоячих Камней идти на службу к князю Велимиру, спасти Русь от нашествия злобных и непонятных навых сил – метаморфусов. А тут еще мрачное пророчество, согласно которому Гавейну суждено пасть от змеи, крокодила или собаки. И невесть откуда свалившаяся на головы двух отважных воинов столетняя колдунья с внешностью юной красотки. И козни коварного епископа Ифигениуса. Да и прошлое в лице амазонки Орландины, снова решившей спасти мир, тягостным укором маячит перед глазами... Как прикажете выживать в подобных условиях? Тем более если вокруг вертятся говорящие колобки, растут чудо-репки, рыщут гигантские волки, несут золотые яйца курочка-рябы и поют сладкоголосые птицы алконост...

© Чернецов А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Лещенко, Андрей Чернецов

Обреченный рыцарь

*Не сохраняет ничто неизменным свой вид; обновляя
Вещи, одни из других возрождает обличья природа.
Овидий. Метаморфозы*

Пролог

ВСТРЕЧА В СНЕЖНОМ КРАЮ

Артания, Карельское наместничество, предгорья Хибин

Местность эта была едва ли не самой безлюдной во всех владениях великих князей артаньских. За те сто с лишним лет, с тех пор как владыки Аркаима наложили свою длань на эти пустынные просторы – тундру, тайгу и неприятные берега северных морей, им разве что удалось наладить сбор кое-какой дани – раз в пять-шесть лет, да и то не везде.

Ближайшей властью был воевода, сидевший в бревенчатой крепости милях в двухстах южнее.

Сюда не забредали миссионеры – ни всевеликого Перуна, ни имперские, призывавшие славить Юпитера и Исиду, ни даже христианские, в последнее время все чаще появлявшиеся в других землях Троецарствия.

Разбойники – что норманнские, что свои, артаньские, – тоже не особо стремились в здешние края. Даже купцы, которые, как известно, и в преисподнюю готовы отправиться за барышом, и то были тут нечастыми гостями.

Но и среди этих угрюмых земель край в отрогах старых неприступных гор у озера Имандр был особенно безлюдным. Немногочисленные местные жители упорно избегали этих каменистых долин и чахлой тайги. Редкие кочевники, сиртя и саамы, неохотно пасли тут своих оленей и стреляли песцов и лисиц. И тому были причины.

По извечным преданиям, передающимся из уст в уста от мудрых стариков новым поколениям, когда-то тут обитали существа, глубоко чуждые людям. В те времена *нынешнего* мира не было, а был другой – *неведомый* мир, уничтоженный вышними богами за нечестие и великие грехи.

В доказательство старцы показывали стоявшую на берегу озера скалу, на которой была четко видна фигура человека с крестообразно поднятыми руками, высотой в добрую сотню человеческих ростов. Согласно легендам, это был один из древних великанов – Куйва.

В далекие времена на саамов напал гигант Куйва. Они никак не могли победить его, хотя храбро сражались. И тогда саамы попросили помощи у своих богов. Те, пораженные бесчинствами исполина, метнули в него сноп молний и испепелили. На скале только и остался отпечаток его тела. И до сих пор следы древних битв и черного колдовства нелюдей остались в этих местах.

В окрестной чахлой тайге часто можно наткнуться на большие грибы, неестественно высокую растительность, а также на сильно искривленные деревья.

Если же какой-нибудь отважный охотник-артаниец пренебрегал советами местных жителей и забредал сюда, привлеченный изобилием непуганой дичи, то вскоре начинал испытывать непонятный страх и подавленность, ноги его сбивались с шага, и предательская слабость овладевала телом, сердце билось как бешеное. В испуге бежали прочь недавние храбрецы. А коли кто и пытался преодолеть страх и слабость, то, видимо, рассказать об этом не мог уже никому. Ибо не сохранились подобные случаи в памяти людской.

Так или не так, но места эти считались у туземцев недобрыми...

Тем удивительнее была картина, которую мог бы увидеть кто-нибудь, кто решился бы посетить запретные места в этот прохладный и ветреный день апреля года 1356-го от основания Рима.

По пологой долине среди двух отрогов были тут и там разбросаны дольмены, представлявшие собой пару каменных плит огромного размера, поставленных на ребро и перекрытых сверху такой же каменной глыбой.

Рядом со снежными останцами, там и сям пятнами лежавшими на склонах ущелья, торчали желтовато-бурые колонны из рыжего порфира и идеально ровные кубические камни.

А на скальных террасах возвышались какие-то подозрительно правильные каменные завалы.

Если бы отважный наблюдатель ухитрился взглянуть на долину с высоты птичьего полета, то с удивлением узрел бы останки циклопических сооружений, кладки исполинских блоков, геометрически правильные плиты... И понял бы, что видит прах древнейшего города, который при своей жизни был больше любого из ныне существующих.

Но до того, как люди сумеют подняться в воздух, пройдет еще лет семьсот-восемьсот...

Пожалуй, изумление случайного гостя стало бы еще более глубоким, если бы он увидел, что возле одной из древних стен на расстеленном войлочном плаще устроилась невысокая молодая женщина, облаченная в штаны и безрукавку на голое тело.

Волосы перехватывала черная повязка с расшитыми серебром рунами. Ладная фигура, здоровый цвет матово-белой кожи, вполне красивое лицо с изящными чертами, волосы тона темного золота. Цвет глаз, правда, разглядеть было невозможно – они были прикрыты.

Однако ж чувствовалось, что молодка не спит.

Ни холод, ни пронизывающий ветер, похоже, ее не беспокоили, хотя бывалый охотник, останавливаясь на привал, в такую погоду постарался бы развести костер. Рядом с ней на войлоке лежали короткий меч и резной посох, а чуть поодаль на камнях – мешок с провизией. Довольно тощий для путницы, ведь, чтобы сюда попасть, ей пришлось, несомненно, проделать долгий путь.

Поблизости не было видно ни оленьей упряжки, ни лошади. Выходило, что странница пришла пешком.

Женщина, похоже, чего-то или кого-то ждала. Но кого можно ждать в этой продутой всеми ветрами, безлюдной долине, да еще в пользующемся столь зловещей славой месте?

Время между тем текло, и на ее отрешенном лице изредка возникала тень чего-то, похожего на нетерпение.

– Файервинд, может, наконец перестанешь сидеть и злиться? – с легким раздражением осведомился старческий скрипучий голос.

– Я совсем не сердилась, Учитель! – не открывая глаз, ответила дама.

– Гм... – насмешливо фыркнул невидимый хозяин голоса. – Мы знаем друг друга уже пятьдесят лет... Или больше?.. И ты, как самая талантливая моя ученица, могла бы запомнить – от меня невозможно ничего скрыть.

– Прошу прощения, досточтимый...

– Файервинд, Файервинд... – Невидимка рассмеялся кашляющим смехом. – Нехорошо с твоей стороны именовать своего учителя и благодетеля, которому ты обязана всем – и молодостью, и красотой, и богатством, *«старым козлом и трухлявым пнем»!* Худо!

Смех был как будто беззлобен, но некие почти неслышные нотки в нем заставили женщину вздрогнуть.

– Учитель, я не... – начала было она.

– Да, ты не успела так подумать, верю. Но прошло бы совсем немного времени, и ты неизбежно начала бы мысленно произносить именно эти слова. И это моя лучшая ученица, – в голосе звучала искренняя печаль. – Впрочем, чего еще можно ожидать от *людей*. Пусть даже это и ведьмы...

Миг, и рядом с ней появилась согбенная фигура в отороченном горностаевым мехом балахоне, сшитом из волчьих шкур.

Файервинд торопливо вскочила, и через секунду ее статная фигура склонилась в поклоне, затем припала на колено.

– Поднимись, Фай. – Голос старца был полон сухой деловитости. – Рассказывай, как добралась. Я не ждал тебя так скоро.

– Наняла драккар ярла Урмана – всего-то обошлось в сорок марок серебром.

– Аллеманских или норманнских? – осведомился старец.

– Аллеманских, – пояснила Файервинд.

– Всего-то, – ворчливо передразнил ее старец, – Это ж десять имперских ауреусов! Плохо торговалась. Вечно от вас, женщин, одни убытки. По-твоему, я деньги с утра до вечера у себя в кузне чеканю? Ну ладно, что-нибудь удалось выяснить?

– Увы, – виновато развела руками ведьма. – Бумаг после этого Мерланиуса никаких не осталось, а мастерскую захватили люди августа и христианские жрецы. К ним мне подступиться не вышло.

– И ты ничего не смогла сделать? – Старец был до глубины души возмущен. – Ты, которую я обучал лично?! Магичка с десятью годами обучения за спиной и, почитай, полувековым опытом чародейства?! И это моя лучшая ученица!!

Его взор недобро скользнул по фигуре ведьмы, останавливаясь то на золотом ожерелье, то на дорогой хинской ткани шаровар.

– Впрочем, понятно, – прошипел он зловеще. – Жизнь среди соблазнов мира развратила тебя! Нет, похоже, мы все же были неправы, когда отменили закон, по которому людские маги раз в пять лет должны проходить новый курс ученичества с самых нижних ступеней. Кстати, почему ты не попыталась войти сама? – вдруг изменив тон, спросил чародей. – Почему заставила меня, члена Высшего Круга, тратить время на подъем к тебе?!

Лицо Файервинд недоуменно вытянулось.

– Но, Учитель, там же защита... Я подумала...

– Ты правильно подумала, – ехидно ухмыльнулся маг. – А то бы ты отправилась к твоим праотцам.

Внезапно блеклые старческие глаза его налились кровью. Сжав кулаки в перчатках из алого шелка, он прохрипел:

– И кто их сюда звал?! Они чаяли, что мы сгинули, и заселили наши исконные земли! Пусть и не подозревали, что здесь еще теплится жизнь Старого Мира, уничтоженного их богами, – это ничего не меняет! Они все равно ответят – они и их боги, которые и привели сюда своих людишек, вселив в наши дома... На месте Арль-Сармира поставили этот треклятый Аркаим, а трон Грифона теперь оскверняет своим седалищем какой-то презренный вождь вчерашних кочевников... А эти недоноски, которые думают, что что-то смыслят в магическом искусстве...

– Господин, мы заставим их убраться отсюда! – торопливо пробормотала чародейка.

– У тебя, вижу, есть план? – пришел в себя старец.

– Да, повелитель, – подтвердила женщина. – Ты знаешь, князь Велимир затеял в Куявии внедрение новой веры...

– Слышал, – саркастически хмыкнул он. – Этот дурачок думает, что бог из чужого мира послужит ему лучше богов его отцов. Люди, что с них взять?

– Так вот, Учитель, – с торжеством продолжила Файервинд. – Если все пойдет так, как мы думаем, то им на какое-то время станет не до того, чтобы приглядывать за магией – пусть даже и черной. А ведь в Куявии расположено одно из трех мест, где наш мир...

Выслушав свою ученицу, старый маг, которого женщина знала под именем Мар-Гаддон, глубоко задумался.

– Да, это может быть выходом, – изрек он наконец. – Ты хоть и человек, но моя ученица и чему-то я тебя научил... Как скоро ты думаешь приступить?

– Прямо сейчас, – молвила Файервинд. – Завтра утром неподалеку отсюда пройдет обоз торговцев мехами. Я к нему присоединюсь и через месяц буду в Хельмгарде. А оттуда до Куявии – рукой подать...

Старик впервые улыбнулся:

– Жаль, что так скоро... Думается мне, месяц-другой в шкуре некритто тебе не повредил бы. Твое счастье, что мы не можем терять время. Вот, – протянул он ей небольшой узелок. – Тут пара фунтов жемчуга, не слишком хорошего, чтобы не привлечь внимания, и драгоценные камни огранки наших мастеров. Тебе еще что-то нужно?

– Господин, мне бы пригодился новый Амулет Силы. Мар-Гаддон дернулся, словно ошпаренный.

– Обойдешься! У меня и так их мало осталось! На вас не напасешься. Ты б еще Дивьих Ключей попросила, коих всего-то и есть четыре на весь Геб, да и то два где-то затерялись.

Колдунья жалостливо шмыгнула носом.

«Жлоб!» – подумала она, но тут же поспешила прогнать обидные для Учителя мысли, чтоб не вызвать новой грозы. Чародей славился своей мнительностью.

– Ладно, вот тебе мой приказ: иди и действуй. Будет очень неплохо, если против них удастся использовать их собственную силу. Собирай тех, кто еще остались. А я займусь своим делом. И смотри мне! Еще одной ошибки я тебе могу и не простить! Подумай, что будет, если я отлучу тебя от служения? Ты ведь еще не научилась варить эликсир жизни?

– Я исполню, великий, я все исполню! – В голосе горделивой ведьмы звучал неприкрытый страх.

– Ступай!..

Маг Высшего Круга народа ти-уд, известного как «чудь белоглазая» и почитаемого за легенду даже великими посвященными Египта, проводив взглядом удаляющуюся волшебницу, сплюнул.

Он не любил людей – и это мягко сказано. Но, увы, древнему народу без них уже не обойтись.

Мысленным взором проник за магическую завесу, в глубь уходящих в камень пещер.

К залам, убранным драгоценными камнями. Настоящим дворцам, освещенным вечными лампами, секрет которых похитили у них когда-то жрецы страны пирамид. Сказочные гроты, причудливые колонны оранжевого, красного и коричневого цветов, где подземный жар мягко согревает воздух, а струи подземных водопадов играют на искусно выточенных в незапамятной древности каменных флейтах, рождая чудесную музыку.

Но лишь немногие из созданных его предками подземных жилищ ныне населены, и почти не слышно там, внизу, детского смеха.

Если так пойдет дальше, то одни дряхлые старики и старухи ощупью будут бродить внизу, вылавливая в подземных реках бледно-кремовую рыбешку бокоплавку.

Чтобы возродить могущество ти-уд, нужна Сила.

Сила магических источников земли и сила мечей, сила женщин, способных к зачатию, и сила мужчины для еще способных рожать женщин.

А еще необходима свежая кровь.

Да, свежая кровь нужна им прежде всего.

Кровь лучших из этих разумных полуживотных, именуемых людьми. И та, что будет течь в жилах детей нового поколения ти-уд, и та, что прольется на алтарях Вечных Владык.

И если те откликнутся, то затрепещут не только людские царьки, но и их презренные боги...

Часть первая ХВОРЫЕ ЗЕМЛИ

Глава 1 НА ПЕРЕПУТЬЕ

Артания, маеток Большое Дупло под Ракишавой, июнь того же года

Танцовщица изо всех сил пыталась изобразить подобие танца живота. Выходило это у нее, надо признаться, на редкость неуклюже.

Живот-то у артистки имелся. И даже с избытком – внушительных размеров шар, прыгающий вверх-вниз, влево-вправо. А вот, мягко говоря, мастерства не хватало. Ведь танец живота – это что? Не просто прыжки то на одной, то на второй ноге, чтоб заставить колебаться жировые складки, а некий ритмический ритуал, таинство, понуждающее мужскую кровь ускоренно бегать по жилам, а сердце биться в бешеном ритме, который способно успокоить лишь старое доброе вино в непомерных количествах.

От подобного же представления тоже хотелось в стельку наклюкаться. Чтоб поскорее залить глаза, дабы не глядели на подобное поношение святого искусства.

Однако местное вино было еще гаже танцев. Кислое до оскомины и к тому же изрядно отдающее сивухой. Наверняка хозяин для пущей забористости подлил в бочонок с вином браги. Выпьешь кружку такого пойла, ударит оно тебе по мозгам до отшиба памяти, а там уже и трава не расти. Порция за порцией – держись кошелек!.. Хорошо если к браге какой-нибудь дурман-травы не подмешано. Нет, тут надобно держать ухо востро.

Забросили же боги в дырищу. Прямо задворки просвещенного мира. Или скорее задница цивилизации. Одно название чего стоит.

Большое Дупло.

Оно и видно, что дупло. От местного «дупа», что на лешском наречии означает ту же таки задницу.

– Ты чего такой мрачный, брат? – хлопнул Гавейна по плечу неунывающий блондинчик.

Вот уж кому все как с гуся вода. Унесли с поля боя ноги и головы целыми – и то ладно.

– А чего веселиться, елы-палы? – огрызнулся Гавейн. – Как загнанные в угол крысы сидим здесь, боимся нос наружу высунуть.

– Хотел бы лежать там, в пустыне, вместе с остальными? – кивнул куда-то в неопределенную сторону Парсифаль. – По мне, так лучше быть в бегах, чем биту...

– И доколе драпать будем? Покуда не дойдем до конца Ойкумены?

– Не бери в голову, – беспечно посоветовал красавчик. – Где-нибудь да остановимся. Не повсюду же могут дотянуться загребушие руки августа. К тому же у старика короткая память...

– А у волчонка? – нахмурился крепыш и добавил, кривляясь: – У *цезаря* Птолемея Юлия Кара? Хлебнул он из-за нас с батюшкой Мерланиусом лиха. Да и цепной пес Потифар вряд ли скоро забудет...

Да уж, натворили они дел в Империи полгода назад.

А все сгинувший невесть куда верховный понтифик Британии, чтоб ему (если он, разумеется, жив) весь оставшийся век пить такое вот артанийское вино!..

Стукнуло старому дуралею в голову замутив заговор против божественного августа Птолемея Сорок Четвертого и посадить вместо него на александрийский престол своего питомца Артория – британского префекта-наместника.

И чего старикашке не хватало, спрашивается? Член Высшей Жреческой Коллегии, хозяин тысяч рабов, владелец бесчисленных угодий и замков. Один Круг Стоячих Камней чего стоил! Древнее святилище, восстановленное и отстроенное Мерланиусом с помощью магии и превращенное в неприступную твердыню-цитадель.

А орден Крута?

Лучшие воины из подчиненных Арторию Десятого и Одиннадцатого легионов. Цвет имперского рыцарства! Ланселат, Галахад с двумя клинками на поясе, вечно меланхоличный Гарет, Мелегант, способный одним ударом копья проткнуть двух воинов в доспехах, Пелеас, Саграмор Потаскун с его огромной палицей... Ну и, конечно, лазутчики, Парсифаль с Гавейном. Сколько славных подвигов, воспеваемых вдохновенными скальдами, совершили они.

И где герои прежних лет, спрашивается? Иных уж нет, а те далече...

Начали с того, что втихую прикарманили один из богатейших городов Империи – Серапис. Командор Ланселат провернул там блестящую операцию с контрабандой наркотиков и драгоценных камней, свалив всю вину за государственные преступления на местного магистрат и возглавив «временную» администрацию.

Дальше – больше. Ибо, как говорят галлы, аппетит приходит во время еды. Воспользовавшись династическими спорами в Тартессе, Арторий поддержал одну из сторон и завоевал это древнее царство – осколок некогда славной и великой державы атлантов. Но законный царь тартесситов, малолетний Кар ХХХ, не смирившись, подался искать управы сначала в священные Дельфы, а затем и в Александрию.

Им, Гавейну и Парсифалю, было поручено любой ценой воспрепятствовать тому, чтобы изгнанный владыка завершил свою миссию. Они и старались. И, верно, преуспели бы в этом неблагоприятном поручении, данном рыцарям лично Мерланиусом. Если бы...

Ох уж это «если бы». Чего только не оправдывают им. От позорной слабости в постели до мировых катаклизмов. И каждый раз придумываются такие веские причины, что прямо дух захватывает. Чаще всего валят на богов. Дескать, ИХ воля. Боги и терпят. До поры до времени.

В судьбе рыцарей Круга Стоячих Камней роль «богов из машины» сыграли две сестры-близняшки из Сераписа. Орланда и Орландина – так их звали. Хотя лично Гавейн склонен был считать, что главным виновником приключившихся с ним бед были не девчонки, а их четвероногий приятель говорящий осел. (Эх, не надо было понтифику связываться с жалким поэтишкой; прирезали бы парня и баста; так захотелось же покрасоваться перед подчиненными, поиграть в метаморфозы, тьфу!)

Близняшки и ушастый выручили Кара в Дельфах, а затем проводили пацана до самого Египта, где вблизи великих пирамид и произошла решающая битва, в которой сошлись маги и люди. Понтифик Мерланиус против августова советника Потифара, рыцари Круга Стоячих Камней против девчонок и их свиты. И хотя перевес был явно на стороне британцев, победили египтяне. Не помогли даже вызванные батюшкой драконы. Наоборот, один из них унес неведомо куда своего повелителя. С тех пор больше его никто на Гебе не видел...

Может, оно и к лучшему? Потому как не пришлось великому чародею узреть, во что обратились все его начинания.

Командора Ланселата и его оставшихся в живых соратников сначала хотели отдать под суд, но потом император (вернее Потифар) сменил гнев на милость. Ибо отправить в тюрьму и на плаху столько знатных бриттов и галлов было чревато осложнениями. И на этот счет был издан эдикт о роспуске ордена Круга Стоячих Камней «за неимением нужды в таковом». А сформированная из его остатков Тридцать Первая Британская когорта тут же отправилась на эфиопскую границу – разумеется, сугубо добровольно.

Дело Артория тоже замяли – просто послали полководцу письмо с императорской печатью, где недвусмысленно посоветовали заговорщику сидеть себе тихо в Британии и доволь-

ствоваться тем, что имеет. Естественно, предварительно убрав из Тартесса, родовой вотчины наследника престола, цезаря Птолемея Юлия Кара, свои войска.

В отношении же «пропавших без вести бунтовщиков» Гавейна и Парсифаля в том же эдикте было сказано, что им «прощения нет, и любой подданный августа, кому станет известно об их месторасположении, обязан донести в соответствующие инстанции, за что по заслугам награжден будет». (Чувствовалась рука канцеляриста Потифара.)

Вот и петляют уже полгода, словно затравленные зайцы, кочуя из провинции в провинцию. Уже у самых границ Империи очутились. Дальше только дикие Скандинавия с Куявией...

Как они бежали – это и вспомнить жутко. Сначала на провонявшем рыбой старом корабле до Пирея – капитан и матросы, кажется, не сдали их страже только потому, что пили не просыхая весь рейс. Затем через разоренные земли, где два десятка лет назад порезвились авары. В Карпатах им повезло – крестьяне какой-то забытой не только богами, но и чертями деревушки вбили себе в голову, что в окрестностях завелся песиголовец, и наняли двух прохожих воинов поохотиться на него. Взяв половину платы вперед, Гавейн и Перси дали тягу со всей скоростью, на которую были способны их кони. Возвращать задаток за мифического песиголовца они не собирались. А если против ожидания какой-то хомолупус обыкновенный, чудом доживший до сего дня, и обретается в горных лесах, то тем более надо как можно быстрее уносить ноги. Ибо, как свидетельствуют древние мудрецы, твари опаснее сыскать было трудно.

В конце концов, кружным путем добрались они до Аллемании, надеясь, что все улеглось. Не тут-то было! Дядя Парсифаля, старый Арнольд Негриус, захлопнул дверь перед носом племянника, заявив, что их род даже при Атаульфе Бесноватом хранил верность Империи, и если беспутного племянника угораздило впасть в государственную измену, то пусть он сам и выпутывается.

Сколько раз уж кляли они себя, что не попытались бежать сразу в Персию – как поступил их товарищ по службе у Мерланиуса Стратопедавт Хитрец, сумасшедший механик. Сумасшедший-то, может, и сумасшедший, а бумаги хозяина прихватить догадался – об этом тоже говорилось в эдиктах... Но уж если кому не повезет, так и не повезет...

Несколько последних дней Гавейна не покидало ощущение, что им наступают на пятки. Попробовал он поделиться своими опасениями с Парсифалем, но юноша только презрительно скривил пухлые алые губы и отмахнулся. При этом его лазоревые глаза, сводящие с ума престлестниц (и не только их), излили на соратника столько жалости и участия, что тому стало неловко и он поспешил заткнуться.

Блондинчику что? Даже если и поймают, он сумеет выйти сухим из воды. Как-никак родня царствующему августу. Хоть и седьмая вода на киселе, какой-то там троюродный внучатный племянник, а все же не хухры-мухры – «голубая кровь», патриций в надцатом колене. Не то, что сам Гавейн. Тоже не из быдла, но с Перси меряться предками не стал бы.

Однако чувство опасности не оставляло.

Попытался залить его вином. Помогало плохо. Особенно если выпивка такого качества. Эх, где вы, золотые дни, когда Гавейн презрительно отмахивался от фалернского и кипрского...

– Цикута, елы-палы! – гадливо сплюнул на пол крепыш, выплескивая туда же остатки поила из своего кубка. – Лучше простой воды напиться!

На глаза вновь попалась неуклюжая танцовщица.

Бр-р!!

И откуда ее только выдрал хозяин заведения? Нечего сказать, сокровище! Массивное, лоснящееся от жира туловище, руки-ноги, напоминающие грабли. А рожа!..

Истинный крокодил.

В голове даже зазвучала известная шуточная песенка:

У вод священных Нила
Гуляла крокодила.
Она, она
Зеленая была.

В лапище анх зажала
И жертв себе искала.
Она, она
Голодная была...

Ага-ага, точно! Вон и хвост сзади волочится. И золотой крест-анх на мощных дынях-грудях подпрыгивает в такт заунывной музыке.

Гавейн сотворил знак, отгоняющий мороки. Крокодилиха исчезла.

Надо же. Сам бог Себек в своей женской ипостаси привиделся. С чего бы? Это из-за неприятных воспоминаний о превращенном в осла поэте да о Египте или местное вино-брага в голову бросилось? Надо бы сходить на воздух проветриться.

Скосил глаза на Перси и встретился с его взглядом, в котором читался легкий испуг. Что, ужель и ему рептилия помстилась?

Нет, косит голубыми буркалами куда-то в сторону, мол, обрати внимание. Чего он там любопытного надывал?

Ну, крестьяне и крестьяне. Закусывают тем, на что денег хватило, ведя неспешную беседу.

Крепыш поневоле прислушался.

– А цо, то правда, цо наш пан скоро тутай бенде?

«Какое жуткое наречие!» – содрогнулся Гавейн.

Он и сам на классической латыни шпарить не мастак, не в пример своему ученому соратнику, но такое небрежение правилами и акцентуацией корбило даже его.

– Бей меня Перкунас своими молниями! – забожился мужик. – Як пана бога кохам!

– Як то он млodenчика крулевича кинет едного? – всполошился его собеседник. – А ну как тен здрайца Мерлин знов прийде?

«И батюшкино имя на свой лад переиначили! – вяло возмутился крепыш, дергая себя за козлиную бородку. – А здрайца вроде как предатель?»

– Наш пан Будря тему Мерлину так дав под дулу, цо ен пташкой улетел с Геба! – грохнул кружкой о столешницу мужик. – Бенде знать, як збродню робить!

«Збродня? Это что-то типа заговора? Чудной язык!»

– Так, наш ясный пан Будря певный богатырь! – подхватило несколько голосов за холопским столом. – Не то, цо пан Мудря с Козлиных Кучек!

– Куда там паршивому Мудре до нашего зацного и мощного пана Будри!

– Сто лят!! – проревели пять или шесть глоток разом, дружно сдвинув кружки с пивом (вино-то мужикам не по карману, пусть и такое паршивое).

– Сто лят!!! – громыхнуло по трактиру.

Пришлось и бывшим рыцарям Круга Стоячих Камней сделать вид, что пьют за главного телохранителя и дядьку цезаря Птолемея Юлия Кара.

«Вот, вот!» – торжествовал Гавейн. Не он ли нутром чувствовал опасность. Пора и отсюда уносить ноги, пока не столкнулись нос к носу со старым знакомцем.

– Выйдем? – предложил блондинчику.

Тот с готовностью полез из-за стола.

На улице было по-осеннему прохладно. В этих местах вообще чаще бывает холодно, чем жарко. Север, Гиперборея, однако.

– Чтой-то муторно мне, – похлопал себя по широкой груди здоровяк. – Не иначе отравился.

Задышал глубоко и громко, будто тюлень.

– Да и меня ведет, – подхватил Перси. – Хоть я почти не пил эту бурду... Мерещится дрянь всякая...

– И тебе? – удивился козлобородый. – Елы-палы, а я думал, что только меня на крокодилчиков пробило!

Красавчик застыл столбом.

– Крокодилчики? – хмыкнул. – Надо же...

И тоже присоединился к дыхательным упражнениям приятеля. Тюленя из парня не получилось, но молодой жеребчик вышел вполне сносно.

Пофыркали так чуток, пока Гавейна не пробило.

– Так это что ж, и ты крокодилу видел?

– С анхом и в гофрированном переднике? – уточнил юноша. – С париком и короной на голове?

– Ага, – подтвердил здоровяк. – Тудуть твою мать!

Оба, не сговариваясь, посмотрели на трактирную дверь. Возвращаться назад расхотелось. Но в комнатенке на втором этаже, которую они сняли позавчера, остался их нехитрый скарб, бросать который не годилось. Опять же таки лишние улики для тех, кто идет по их следу.

– Забираем манатки и сматываемся! – порешил Гавейн.

В иной раз неженка-блондин принялся бы ныть, не желая мчаться сломя голову куда попало и притом на ночь глядя, но сейчас ерепениться не стал.

Бочком, бочком пробрались воины через зал, шмыгнули вверх по лестнице, заскочили в свою каморку, побросали на скорую руку вещи в мешки и подались назад.

Уже осилив половину ступенек вниз, вдруг услышали какой-то жуткий рев, сотрясший здание трактира. И вслед за ним наступила звенящая тишина, ударившая по ушам не хуже предшествовавшего ей воя.

Гавейн с Парсифалем недолго думая обратились тылом к залу, чтоб ретироваться в комнату, а оттуда через окно на улицу. И с ужасом почувствовали, что деревянные ступени под их ногами проваливаются.

– Хонсу Милостивец! – клацнул зубами Перси, падая вниз.

– Елы-палы! – Камнем полетел следом за красавчиком великан.

Хорошо хоть сходни некрутые были.

Но приложились рыцари мягкими местами о каменный пол предпочтенно.

Кряхтя, поднялись на ноги и оцепенели.

Зал питейного заведения напоминал дворец царицы Кассиопеи после посещения его Персеем, решившим похвастаться перед честным народом эллинским новым трофеем – головой Медузы Горгоны.

То тут, то там стояли застывшими статуями еще пять минут тому назад шумно и весело угощавшиеся здесь мужики и дворяне.

Однако ж видно было, что это не каменные изваяния, а вполне живые люди. Потому как дико вращались их выпученные глаза – единственный орган у всех этих бедолаг, сохранивший способность двигаться.

А посреди зала, упершись ногами-обрубками в камень и скрестив руки-грабли на груди, стояла, почти доставая головой до притолоки, ОНА.

КРОКОДИЛА.

С золотым анхом – символом жизни на жирной груди (только по ней и было ясно, что это чудище именно самка, а не самец), в белоснежном складчатом переднике, в черном парике из толстых шнуров, расчесанном на три пряди – две по плечам, а третья на спине. Ну и в короне из двух страусовых перьев, обрамляющих серебряный диск.

Стояла, глумливо ухмылялась и облизывалась, озирая хитрыми глазками поле уже наполовину выигранной ЕЮ битвы.

«Вот тебе и метаморфозы!» – пронеслось в голове Гавейна.

И тут глаза чудовища остановились на нем.

Здоровяк ощутил сильный толчок в грудь, но устоял на ногах. Помогла стеночка, к которой рыцарь прижался спиной.

Монстр явно удивился тому, что какая-то букашка воспротивилась его воле. Руки-грабли распахнулись в стороны. Анх бурно заколыхался на чудовищном бюсте.

– У-У-УЙ!! – рявкнуло чудовище. – И-Е-Е-Х!!

– И чего б ото я орал? – хладнокровно пожал плечами крепыш, хотя на самом деле он едва не оглох. – Перси, ты не знаешь, чего от нас хочет почтенная домина?

– Если того, чего я думаю, – слабым голосом отвечал стоящий на четвереньках блондинчик, – то пусть не обессудит. Она явно не в моем вкусе.

«Зато мы в ее», – невесело пошутил про себя Гавейн.

– Слышите, достойнейшая, – молвил он вслух. – Мы немного не по этой части. Со звёрушками любовью не занимаемся. Даже с такими очаровательными, как вы. Вам бы в Элладу съездить. Или в Колхиду, скажем. Там это случается...

Крокодилиха затопала, забарабанила себя в грудь лапами. Даже анх погнулся, поцарапав серо-зеленую кожу так, что из ранки полилась изумрудная жидкость.

– И таких игр мы не любим, – встрял Парсифаль. – Нам бы без крови и ушибов...

– У-У-У-У-Й-Е-Е!!! – взорвалась тварь и, схватив подвернувшийся под лапу стол, ринулась в атаку.

А рыцари тоже не стали стоять столбами, уподобляясь соседям справа, слева и сзади. Ибо в отличие от них вполне могли двигаться.

С не менее дикими криками, выхватив мечи, они кинулись врассыпную, не давая крокодиле сбить их с ног.

Животина завертела головой, соображая, на кого из дерзких броситься в первую очередь. Ее глаза полыхали алыми зарницами, что вообще-то было чудно для такого зверя, будь он и в самом деле обитателем водного мира.

Перси не стал дожидаться, пока острый лом пробьет его грудь. Хотелось еще пожить, ведь столько еще не сделано. Поэтому он внезапно метнулся прямо под ноги страшилища, одновременно толкая его в тяжело дышащее пузо. Крокодила не удержалась на ногах и грохнулась навзничь. Блондин еле успел отскочить – гигантские когти правой нижней лапы прошли в нескольких дюймах от его лица, которым юноша по праву гордился.

– Давай, брат! – крикнул он бородачу. – Навались!

И сам первым начал колоть и рубить мерзкую плоть, отплевывающуюся все той же зеленоватой жижей. Гавейн присоединился к нему, облюбовав для себя толстую шею рептилии.

– И-эх! – кричал, вкладывая в каждый очередной удар всю свою силу.

Зверюга ревела и дергалась, била могучими лапами по воздуху, силясь дотянуться до обидчиков. Однако постепенно сопротивление ее становилось все более вялым. Видно, удары странствующих рыцарей не пропадали даром.

Вот наконец огромное тело сотряслось в жуткой агонии и... замерло, словно колода. Не доверяя образине, Гавейн с Парсифалем еще по инерции сделали пару уколов и ударов. Особенно распалился бородач, вошедший в настоящий раж. Он махал и махал мечом до тех пор,

пока напарник не обхватил его руками, сковав движения крепыша. Тот пару раз дернулся, но юноша, несмотря на деликатную наружность, был достаточно силен.

– Все, хватит, хватит! Ты уже отрубил ей башку!

– Да?! – не поверил Гавейн.

Перси оказался прав. Большущая голова крокодилы с разинутой пастью и вывалившимся языком была отделена от туши и откатилась в сторону.

– Ух! Елы-палы!

Бородач вытер обильный пот, оросивший лоб и шею.

– Что ж это было-то? – воззрился на красавчика.

– А Хонсу его ведает, – огрызнулся блондин, тоже порядком упревший. – Знаю одно. Пора сматываться, пока эти парни не пришли в себя.

Кивнул в сторону посетителей трактира. Некоторые из них уже начали подавать признаки жизни.

Гавейн не мог не признать правоту соратника. И впрямь следовало мазать пятки жиром. Лишняя шумиха им не нужна.

Эх, вздохнул он. То ли дело в прежние времена. Уж они-то постарались бы, чтоб этот подвиг не остался незамеченным скальдами. Особенно Перси, любивший слушать ярмарочные небылицы о своих похождениях.

Подхватив пожитки (причем хозяйственный Гавейн не преминул сунуть в узлы с вещами и пару плохо лежавших караваев хлеба, окорок и полголовки сыру), рыцари метнулись вон.

На пороге Парсифаль оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на поле битвы. И едва не споткнулся о порог.

– Что за дерьмо?! – выругался юноша.

– Чего стал столбом, олух?! – дернул его за плечо здоровяк и тоже невольно глянул в зал. – Твою мать!! А где же ОНА?!

На том месте, где еще мгновение назад лежало поверженное чудовище, сиротливо валялось... осиновое полено.

– Вот и я о том же... – пожал плечами Парсифаль, выходя из разгромленного увеселительного заведения на улицу.

Не успели они отъехать и полмили, как услышали за спиной спорый топот. Гавейн порывисто обернулся, машинально хватаясь за меч.

Преследователь (если он действительно гнался за рыцарями) был один.

Здоровяк прищурился и с ухмылкой снял руку с оружия. Опасаться *такого?*..

Это был парень, на вид чуть моложе Перси и такой же смазливый. Только не белокурый, а шатен. Открытое лицо светилось тем восторженным удивлением, какое еще не умеют скрывать едва-едва входящие в пору мужественности отроки.

– Стой! – резко велел юноше блондин.

Крепыш удивленно вздел брови. И какая муха укусила красавчика? Ужели признал в одиноком путнике достойного соперника?

Молодой человек повиновался приказу.

Эге, а конь-то у него недурен, прикинул Гавейн. Такому впору и на патрицианских конюшнях обитать. Как видно, парень не так прост. Хотя по одежде не скажешь. Широкополый балахон с капюшоном, похожий на те, которые носят христианские монахи. Только цветом не черный и не коричневый, а зеленый.

– Тебе чего надобно? – насупился Парсифаль.

– Хочу поклониться вам, люди добрые, за то, что спасли меня и остальных добрых людей от медведя!

Воины переглянулись. О каком медведе идет речь?

– Ты часом не путаешь, дитя мое? – с пренебреженьем спросил блондин.

«О дитем назвал. Точно, нервничает».

– Так все видели, – развел руками отрок. – Громаднейший медведь в три человеческих роста!

– И ты видел, как мы... его... этого медведя... завалили? – путаясь в словах, а больше в мыслях, поинтересовался Гавейн.

– Ну да! – И вновь добавил: – Все видели.

Пока рыцари размышляли над его словами, юноша шажок за шажком приблизился к ним и вдруг, перейдя на шепот, молвил:

– Только не медведь это был...

– Уф! – с облегчением выдохнул бородач. – Слава богу! А то я уж думал, что мне помешалось...

– Не медведь, – повторил шатен. – А навь, морок.

– Чего-о? – вытянулось лицо у Перси. – Какая еще навь?

– Ой, – отмахнулся паренек, – долго объяснять, дяденька. Потом как-нибудь. Позвольте-ка лучше полюбопытствовать, куда путь держите?

– А твое какое дело? – гаркнул на нахала Гавейн. – Едем куда хотим, и все дела!

– Может, и есть у меня к вам дело, – загадочно блеснул глазами путник. – И сдается мне, что оно вам придется по душе.

– Говори.

– Не желаете ль отправиться вместе со мною в Куявию? – вкрадчивым голосом предложил юноша. – Князю Велимиру как раз нужны мастера управляться с навьей силой, которая в последнее время стала у нас зело пошаливать. Он будет рад принять столь славных богатырей...

Куявия?! Хм-хм...

– А ты, собственно, кто таков будешь, что говоришь от имени князя? – недоверчиво хмыкнул Перси.

– Какие условия? – почти одновременно с ним осведомился крепыш.

Глава 2

TERRA INCOGNITA

Вечерело, когда троица остановилась на привал и принялась расседлывать коней. Вокруг были высокие, стройные сосны, заросли ольхи и можжевельника. Умиротворенно журчал ручей...

Насколько помнили рыцари азы демонологии, подобное место должно быть чистым – всякие темные твари боятся сосны и текущей воды. (Хотя кто их знает...) Да и жилье близко.

– А славно вы все же ту нечисть шуганули, – молвил с неподдельным уважением Вострец (так звали их нового знакомого), разводя костер.

Как пояснил парень, его имя походило от некоей сладости, выпекаемой в Куявии. Оно, конечно, странно, когда отроков кличут подобным образом (тем паче что малец совсем не был упитанным), однако ж, говорят, в тех землях, куда они направляются, много удивительного.

– Ну, мы же рыцари Стоячих Камней, как-никак, – скромно уточнил блондин, для которого до сих пор оставалось загадкой, как они могли так быстро и споро уложить рептилию (или чем ОНО там было).

– Это что, – пожал плечами Гавейн. – Вот с песиголовцем...

Тут он сделал многозначительную паузу.

– ...С тем пришлось повозиться... Да...

– С к-кем?! – Куявец чуть не поперхнулся.

– Э-э, с этим... хомолюпусом, – веско произнес бородач, не обращая внимания на Парсифаля, корчащего из-за спины нанимателя зверскую рожу.

– Так их уж сколько лет как нету! Повывелись вроде.

– Значит, сохранились, где нигде! – отрезал крепыш. – Или ты думаешь, что мы врем?!

– Побожись! – потребовал Вострец.

– Вот те крест, – не моргнув глазом, перекрестился в ответ бритт, искренне полагая, что к его грехам это мало что добавит.

– И как же вы его?.. – Теперь в голосе посланца князя Велимира звучало искреннее уважение.

– Да елы-палы... – отмахнулся Гавейн. – В ловушку поймали. Яму вырыли, кольев понатыкали дубовых, дерном да листьями прикрыли – он и попался.

– А ловили-то на что?

– А вот на него! – ткнул Гавейн в приятеля, чей взгляд прямо-таки налился кровью от ярости. – Перси на другой стороне ямы сел да на своей дуде стал играть. Хомолюпусы, они до пастушков молоденьких особенно охочи. Чтоб, значит, и полакомиться, и всяким... грехам непотребным предаться. Ну Перси у нас, как видишь, парень собой видный, пригожий, сам и вызвался... Сперва тамошние смерды хотели кого-то из своих детишек привязать, только красавчик наш не таков, чтобы за чужую спину прятаться. Говорит, не могу допустить, чтобы дите невинное жизнью молодой рисковало!

– И ты совсем не испугался, твоя милость? – обратился паренек к Парсифалю.

Даже в сумерках было видно, каким восхищением горят его глазенки.

– Ну... – пробормотал тевтон, – не без того, конечно...

И, улучив момент, когда Вострец отвернулся, чтобы подбросить в костер хвороста, украдкой показал приятелю увесистый кулак.

– А скажи-ка, дружище, – продолжил беседу Гавейн, когда они, усевшись поудобнее, приготовились отведать сваренного спутником блюда, именуемого «*kulesh*» – наваристого супа из окорока и пшена, приправленного белыми грибами. – Расскажи, что за земля эта ваша Куявия и какие люди в ней живут?

Юноша усмехнулся:

– Правду про вас, имперцев, ученые люди говорят, что вы и свою-то державу на глобусе показать не сможете. На службу подрядились, а куда и к кому – не знаете! А может, у нас там по улицам медведи ходят и людей почем зря чавкают?

– Ты бы не дразнился, а рассказал все как есть, – буркнул Парсифаль, насупившись. – Языком-то всякий горазд молотъ – он без костей! А то, почем знать, может, ты не то что показать не сможешь свою Куявию, а и глобуса-то приличного в глаза никогда не видал!

– Ну это ты зря, лыцарь, – совсем не обиделся Вострец. – У нашего князя-батюшки этих глобусей три штуки в палатах белокаменных стоят. А про землю родную отчего ж не рассказать? Вам с самого начала или покороче?

– Давай с начала, – позволил Гавейн. – Ночь длинная.

– И то верно. Ну, добро... Значит, вначале сотворил великий бог Род, он же Патар Дий, он же Сварог, небо и землю, потом человека Пурушу и жену его...

– Постой-постой! – встрепенулся крепыш. – Какой еще Сварог? Мы Христу молимся. И князь твой вроде тоже. И люди от Адама с Евой происходят, а не от Параш... тьфу... Пуруши твоего! И выдумали же имечко, нехристи!..

– Не хуже твоего, милость! – отбрил молодой человек. – Не знаю даже, как ты с таким прозвищем ко двору явишься? Надо что-то придумать...

– Что, что? – взъерился бородач. – Чем тебе мое славное имя не по нраву?

Даже за меч в сердцах схватился, но тут Парсифаль оделил приятеля добавкой *kulesha* (очень недурного на вкус), и тот смирил гордыню, предавшись насыщению плоти.

– А почем ты знаешь, как бога на самом деле зовут? – продолжал Вострец. – Может, и Дий.

Гавейн промолчал. Возразить ему было нечего да и недосуг – челюсти были заняты перемалыванием копченого мяса.

– Ну ладно, не будем уж так глубоко лезть... Летописи наши и «Книга Велесова» говорят, что предок народа нашего прибыл с далекого острова...

– С Атлантиды, что ль? – усмехнулся невольню Парсифаль.

– Нет, – покачал головой юноша. – С Атлантидой пращурь наши как раз воевали тогда. А прибыл он с Лемурии. Звали его Прогнор Эду, также Энкиду прозывался. Прославился он как великий воин и покоритель земель диких. Однако ж придворные царя лемурийского из зависти оклеветали его, и храбреца изгнали прочь с благословенного острова. И поселился он с дружиной верной своей в землях северных, среди народа дикого, но доброго, и стал его владыкой. От того народа и пошли скифы, сарматы да словене, а от Энкиду храброго – владыки куявские. Потом, когда Лемурия с Атлантидой потонули, пошли князья наши древние походом на Вендию. И вел их царевич Рама – великий маг и искусник.

Вострец замолчал, прихлебывая кулеш.

– А дальше?

– Дальше? – пожал плечами куявец. – Дальше были три великих князя, сыновья Рамы. И двинулись на запад от Аркаима князья Словен, Артан и...

– Куяв? – проявил эрудицию Перси.

– Какой тебе куяв-муяв? – почти рассердился сказитель. – Скиф! Ски-иф его звали! Еще меня учить будешь!

Озлившись, он легонько треснул рыцаря деревянной ложкой по лбу. Блондинчик опешил так, что даже не смог сразу ответить на неслыханное оскорбление. Гавейн фыркнул и закашлялся, подавившись похлебкой. И тут же получил от куявца благословение ложкой по лбу. Теперь уже тевтон повалился в траву от хохота, глядя, как отвалилась едва ли не до земли челюсть победителя хомолюпусов.

– Ну вот, – как ни в чем не бывало вел дальше свою повесть шатен. – Пошли они, значится, на три стороны света и разделили между собой всю землю. И земли диких эстов с латами, и Крым-Киммерию, которую вы Тавридой зовете, и Кавказ. И лехов, кстати, лехи неумытые тоже от нас происходят... И были с князьями богатыри великие – Усыня, Дубыня, Горыня, Вернигора, Вертигора, Святогор, Валигор, Валидуб, Дубодер, Перебейнос... А богатырь Горыня еще с нагами-драконами воевал много, отчего даже слово «драка» в нашей мове появилось. Он и на ихней принцессе женился, и сын у них был – Змей Горыныч.

Потом вернулся из Вендии царь Рама и стал верховным царем Гипербореи, которому еще семьдесят царей подчинялись. И построили те цари семьдесят городов больших со стенами каменными и воротами золотыми. И воздвиг Рама на далеком востоке, у Алтайских гор, храм великого бога Ханумана, союзника своего по войне с чудищем Ревуном. От детей же того бога, обезьян, и род людской происходит.

– погоди, – прервал его Перси, – ты ж вроде говорил, что от Сварога...

Вострец несколько опешил, но тут же вновь пришел в себя.

– Ну так люди разные, – примирительно сказал он. – Одни от Адама с Евой пошли, другие от Сварога, а кто, может, и от обезьян. Дела-то давние – было то ровно четыре тысячи лет назад, так кто ж теперь доподлинно правду установит...

– Это ты, братец, чего-то не того сказал, – встрял Гавейн. – Четыре тысячи лет назад и греков-то не было, не то что римлян. А по твоему выходит, что варвары какие-то всю Европу завоевали и города построили.

– Варва-ары?! – рассмеялся юноша. – Вот так-так, к нам, кажись, служить едешь, да нас же варварами и ругаешь? Не сладко вам, видать, в Империи вашей, что в земли неизвестные драпать приходится?

– Ну дык елы-палы... – поскреб затылок рыцарь. – Не без того...

– То-то! – поучительно изрек Вострец. – Много вы, имперцы, о себе воображаете. – Вот, к примеру, что это на вас надето? – ткнул он ниже пояса Гавейну.

– Э-э-э... штаны, – пожал тот плечами.

– Вот то-то и оно, что штаны! – с торжеством поднял куявец палец кверху. – А штаны, ежели ты, конечно, книги ваши читал – это наша варварская одежда! Мы ее придумали! Не научили бы мы вас штаны носить – до сих пор с голыми задами щеголяли б!

И Парсифалю, и кельту ничего не оставалось, как лишь кивнуть – штаны действительно римляне позаимствовали (как и многое другое) у соседних народов.

Правда, у тевтона в глубине памяти отчего-то застряло, что штаны изобрел грек Пифагор, но как ни старался, он не мог вспомнить когда и при каких обстоятельствах.

Словно услышав его мысли, Вострец продолжил:

– Греки, понимаешь ли, ему угодили! Да если хочешь знать, мы тех греков всегда били! И греков, и иудеев с хеттами. И египтян! Колесницы наши до этих, как их... пирамуд... пирамид доезжали!

– Быть не может! – синхронно воскликнули оба рыцаря.

– Не может? – ехидно скривился куявец. – Вот вы про Ахилла знаете?

Ну, конечно, кто ж не знает Ахилла. Уж как не дики были родные места Гавейна, что на берегу Атлантического океана напротив Ирландии, но и он слышал об этом греческом герое. О чем оба рыцаря и сообщили собеседнику.

– Темнота! – махнул тот рукой. – Вот говорите, а не знаете, что Ахилл-князь из наших, из куявских будет! Небось Гомера в оригинале не читали, а сказано у него, что с Борисфена приплыл Ахилл, с Днепра то есть! И имя его что значит? Ну?!

Гавейн лишь пожал плечами – он не то что по-гречески говорил с акцентом, но и свой родной валлийский изрядно подзабыл вдали от родины. Пришел черед отдуваться бывшему студенту Парсифалю.

– Хм... Частица «а» в эллинском означает отрицание, а «Хилл» это... дай вспомнить...

– Э-э, темнота, – повторил с улыбкой Вострец. – «Хилый» по-нашему – значит слабый, немощный. А Ахилл, стало быть, нехилый. Без нашего Ахилла и Трои эту паршивую не взять бы гречишкам – вот так!

Логика парня показалась рыцарям убедительной, хотя и не вполне совпадала с грамматикой.

– Ну вот, а потом в Куявии...

– Так откуда сама Куявия-то взялась? – вновь подначил его Гавейн. – Только что Гиперборея была!

Вострец только этого и ждал.

– Ну ладно, расскажу еще напоследок, отчего страна наша Куявией называется.

В древние времена в Рифейских горах поселился ужасный злой маг и демон и захватил власть над землями людей корня словенского. Звали его Черный Властелин, или по-половецки Кара-Хан. Хотели с ним биться князья да богатыри, да не смогли – летал он над землей с воем громов, напускал на дружины хоробрые ветры буйные, уносившие всадника с конем, так что земля дрожала. Молниями зажигал деревни и города, не щадил ни храмов богов отеческих, ни хижин бедных. Многие витязи и мудрые чародеи выходили против него на битву, но ни один победить не мог. Его наполненный ужасной силой взгляд лишал мужества самых храбрых и заставлял повиноваться даже бессловесных тварей. От одного его взора волки пожирали друг друга!!

Гавейн и Парсифаль печально покачали головами – известно, что волки вопреки тому, что о них говорят, живут очень дружно, и если и едят друг друга, то исключительно с большой голодухи.

– От одного его взора священные крокодилы в реке Ра пожирали священных жаб богини Макоши.

И вновь рыцари сочувственно вздохнули – известно, что для крокодила нет ничего страшнее, чем съесть жабу – ведь богиня Макошь (она же Кибела) не кто иная, как праmaterь крокодилов.

Правда, Перси не припоминал, чтобы в книгах что-то говорилось насчет того, что в реке Ра, она же Итиль или Volga, водились крокодилы. Но мало ли что там было в древние времена?

А ужасный Черный Властелин, продолжал меж тем юный куявец, воздвиг себе среди дымных, извергающих огонь гор Рифея Черный замок, где развел всяких отвратительных и страшных тварей – драконов, пауков, исполинских кротов.

Поработил Кара-Хан и подземных карл, и лесных чугайстров, и всякие дивные народы, не говоря уж о людях.

В горе и уныние впали народы словенского корня.

Лишь немногие жрецы светлых богов да скоморохи с каликами переходили бродили по земле да сеяли надежду светлую на приход освободителя, а в тайных капищах неустанно молили о помощи богов да духов предков.

И пришел избавитель – хотя и в то время, когда уже надежда угасла.

Потребовал Черный Властелин неслыханного – первенца от каждой семьи и от каждого приплода скота принести ему в жертву в собственный день рождения.

Стон и плач наполнил всю землю, и плакали не только люди, но и бессловесные твари – ибо воля демона была непреклонна, и даже дикие звери должны были принести своих детенышей на алтари.

Тут-то небеса смилостивились и послали спасение.

Явился с востока великий богатырь, имя которого было до времени скрыто.

Были на нем доспехи, скрывавшие его с ног до головы и скованные им самим в тайных кузнях служителей Перуна из упавшего с неба железа.

Имелся у него меч-саморуб из того самого железа и палица-ваджра из него же.

Пришел он к замку Кара-Хана, и кинулись на него пауки огромные и волки хищные. Но схватил витязь палицу свою ваджру верную да как принялся их колотить, с одного удара в землю вбивая.

Потом налетели на него птицы хищные – вороны да коршуны. Налетели – и все разбились о панцирь его да о шлем из упавшего с неба железа, изготовленный в виде птичьей головы.

И черные злобные насекомые, коих любил Черный Властелин, тоже не были страшны богатырю, ибо был он в сапогах из шкуры знаменитого зверя Индрика, который, о чем всем ведомо, всем зверям отец.

Сокрушив все двенадцать железных ворот Черного замка, вошел богатырь в тронный зал, где сидел, предвкушая обильное жертвоприношение, Кара-Хан, и разрубил его одним ударом своего меча-саморуба.

Разрубил его аккуратно напополам, вместе с тронном, пьедесталом, на котором тот стоял, полом из гранитных плит и даже фундаментом дворца.

Тут же темное колдовство рассеялось, ужасные твари издохли в муках, и только мерзкие насекомые уцелели и разбежались кто куда, правда, потеряв свою силу. (Вот так и появились на земле пауки караханы.)

А витязь вышел из замка, который рухнул, едва нога победителя ступила за порог колдуновой обители. И там уже встретили его жрецы да посланники пращуров народа нашего. И открылся он, сказав, что имя его – Куй Сварожич. Ибо он сын самого Сварога – кузнеца небесного...

– И основал он град Куев, ныне Киевом прозывающийся, и был предком князя теперешнего Велимира, – закончил речь Вострец.

Поглядел, поглядел в костерок, да и выдал такое, от чего с рыцарей мигом сошла дрема.

– Вижу судьбы ваши в огне святом. Такое случается, если перед тем говоришь о предметах священных. Ты, светловолосый, рожденный в землях северных, не найдешь в Куявии свою судьбу, но успокоишься в краях дальних. А тебе, пришелец с островов, следует опасаться собаки, змеи и крокодила. От одной из этих зверушек погибель примешь...

– Как это? – взвился Гавейн.

– Да кто ж его знает? Так уж прочиталось. На роду твоём написано. Я не волхв, чтоб знамения толковать, а всего лишь княжой скоморох. Шут по-вашему. Скажу одно: самое место тебе, твоя милость, в Куявии. Насчет змей и псов врать не стану, а вот крокодилов точно не водится... Ладно, – бросил он, покосившись на ночное небо. – Повечеряли уже – спать пора. Дорога у нас дальняя.

Хм, подумалось крепышу, крокодилов у них нет. Так они и в Артании вроде как *не обитают*. А вот же...

Но так или иначе с одной бедой, кажись, справились. Как бы еще от змей с собаками защититься?..

Глава 3

АКИ ДЕМОН В НОЧИ

– Ночь, – тихо прошептал Перси, – в такое время только и жди нечисть разную...

– Типун те на язык, – бросил Гавейн, устраиваясь на попоне рядом. – Забыл, мы нечисти не боимся? Мы – охотники на нее, елы-палы.

Тем не менее бородач чувствовал себя неуверенно. Особенно после слов юного куявца. Дернули ж того за язык демоны пророчествовать на ночь глядя.

Вышедшая из облаков почти полная низкая Селена словно бы сделала лесной мрак еще более зловещим. Ее мертвенный свинцовый свет только сгустил черные тени. Между сосновыми и еловыми ветвями колыхалась белая дымка тумана.

Но недолго мрак давлел над миром. Яркие звезды засияли на небе россыпью алмазной крупы. Сумрачный свет луны, воцарившейся на небе, заливал обступившие поляну черные деревья.

Спутники бритта похрапывали и посапывали как ни в чем не бывало, а Гавейн все не мог сомкнуть глаз. Что-то его беспокоило, заставляя сердце тревожно сжиматься.

Ветер шумел в ветвях сосен, старые деревья тяжело скрипели. И казалось, будто по лесу бредет нечто невообразимо огромное и злое.

Вот из-за покоренного дерева показались некие бледные тени...

А вдруг какие-то невообразимо древние духи этой дикой земли пришли напиться крови путников?!

Вот одна из теней как будто двинулась к ничего не подозревающим людям – и лошади чуть всхрапнули...

Похолодев, Гавейн с бормотанием полузабытых молитв схватился за меч.

Может, разбудить спутников?

Но тень так же бесследно исчезла, как и возникла.

Наверное, он принял за движение игру лунных отсветов.

– Тьфу, мерещится! – буркнул кельт.

Да в следующую секунду так и застыл, не в силах сдвинуться с места.

Гавейн, конечно, был трусоват, но научился скрывать этот порок и даже преодолевать его – иначе не стал бырыцарем Мечехвостом, а потом и рыцарем ордена Стоячих Камней.

Но то, что он увидел, лишило его в мгновение ока всего его мужества и даже мысли о сопротивлении. Кошмарные, непредставимо чудовищные твари, словно извергнутые ночным сумраком, вышли на полянку.

Прямо напротив него стоял огромного роста урод, похожий на здоровенную рогатую макаку. Рядом с ним торчал светящийся скелет, одетый в ветхую рясу из гнилой рогожи, с ржавой косой в руках. Сбоку заходил не кто иной, как восставший из могилы мертвец, распространяющий запах разрытой земли и гнили. Из провала рта свисал длинный, сочащийся гнусной слизью язык, слегка светящийся в темноте. При свете луны можно было различить торчащие из гниющей плоти кости. Меч у нежити был правда вполне новый и даже очень длинный.

И еще один – волк, отчего-то вздыбившийся на задние лапы, а в передних сжимавший увесистую дубину.

Перебивая запах псины, тухлого мяса и еще чего-то не менее мерзкого, в воздухе явственно чувствовался серный дымок.

Глаза гигантской макаки горели тусклым, мертвенным светом, подобным тем огням, что горят над болотами и кладбищами. Эти полные багрового огня зенки буквально парализовали

Гавейна, и рука его, вскинута была для крестного знамения, безвольно упала. Все кончено, он погиб. Бог не станет защищать своего нечестивого слугу, нарушившего клятву и святотатственно ограбившего церковь, да еще связавшегося с черным магом...

– Господи, прости мя и помилуй! – лишь обреченно пробормотал рыцарь.

Черная рогатая обезьяна, загоготав, указала дланью, в которой был зажат кривой меч, прямо на путников.

Твари ответили утробным воем, и Гавейн обратился в кусок трепещущего живого студня.

Сейчас клыки чудищ сомкнутся на его горле, и он рухнет, залитый кровью...

И не было сил даже закрыть глаза, чтобы не видеть свою смерть.

Воздух разорвал утробный рев – словно у кабана (размером эдак с носорога) прищемили неприличное место.

– Хонсу Милостивый!

Вскочивший с места Парсифаль устремился прямо на нечисть, размахивая клинком.

И вот уже обезьяна взвыла вполне человеческим голосом, и то был крик боли и недоумения – в грудь зверя вошел почти фут отличной римской стали.

Зверюга рухнула на землю, бессильно скуля и нелепо дергая когтистыми лапами.

Не прошло и мгновения, как блондин рубанул по шее двуногого волка, и волк свалился на упавшее за секунду до того на землю тело рогатого уroda. Свалился беззвучно, ибо сказать что-то по этому поводу без головы было ему весьма затруднительно.

Явно не ожидавшие отпора адские существа опомнились только после того, как та же участь постигла тварь в саване и с косой, причем чмокающий звук стали, входящей в живую плоть, свидетельствовал, что она тварь состояла отнюдь не из одних костей.

Пришедшие наконец в себя твари, закричав в разноголосицу и завыв, скопом кинулись на Парсифаля.

Крик и вой смешались с истошным визгом – это орал «княжий человек», только теперь соизволивший проснуться и выглянуть из-под одеяла.

Молниеносным движением Перси оказался позади нападавших и прежде, чем те успели развернуться, мешая друг другу, двое из них уже рухнули на землю со смертельными ранами.

Против тевтона осталось еще двое – бледные призраки в болотно-зеленых одеяниях. Однако они, выкрикнув несколько весьма человеческих слов, которые, по поверьям, должны как раз отгонять подобные создания, кинулись бежать в разные стороны, тут же исчезнув во мраке.

Но из мрака выскочили новые уроды – косматые, горбатые, клыкастые, вооруженные дубинами и ножами.

– Бежим, друг! – завопил блондинчик, отступая.

Еще миг – и он, схватив Гавейна за шкуру, рванулся в лесной мрак, благоразумно не пытаясь прорваться к лошадям, вокруг которых уже приплясывали какие-то жуткие силуэты.

Некоторое время позади них слышался визг Востреца, потом резко оборвавшийся.

Как Гавейн ни был напуган, мысленно он пожелал бедолаге попасть на небеса как умученному от тварей бесовских.

Потом был совершенно невероятный бег через ночной лес, сквозь мрак и ужас. Ветер свистел в ушах, кровь стучала в висках...

«Только бы не...»

«Только бы не...»

«Только бы не...» – билось в голове Гавейна, но додумать до конца, что именно «только бы не...», сил уже не хватало.

Их доставало лишь на то, чтобы не отцепиться от приятеля.

Они падали, спотыкались, ветви хлестали их по лицам, но рыцари продолжали это сумасшедшее бегство, пока еще хватало сил.

Наконец, выбравшись на какую-то полянку, они как подкошенные рухнули наземь.

Тяжело дыша, Парсифаль привстал, опершись на меч.

– Надо же! – Он вытер струившийся со лба пот. – Выходит, сподобил нас Господь с нечистой силой потягаться да победить. Получается, не совсем пропащие мы души!

Зубы Гавейна неудержимо выбивали крупную дробь. Ком в горле не давал выдавить ни слова.

– На вот, выпей! – Красавчик сорвал с пояса флягу.

И сам же выхлестал половину, не отрываясь, лишь потом отдал сосуд спутнику.

– И помолимся, брат Гавейн!

Но только они приготовились опуститься на колени и вознести молитву, как...

«Не-еет!!!» – завопило, закричало все внутри бородача.

Из чащи под лунный свет с шумом вывалилась одна из тех тварей, от которых они только что улепетывали.

Шла ли она по их следу, а может, наткнулась случайно – бог весть!

Она была укутана в черный плащ, скрывающий почти всю фигуру и морду. Злобно блестя глаза, а на поросшей шерстью голове торчали два небольших, причудливо извивающихся рога – явные признаки приспешника дьявола.

Парсифаль только-только успел выставить вперед меч, а ублюдок уже кинулся на них, вздев над головой солидную дубину.

И тут Гавейн, повинувшись какому-то непонятному импульсу, подставил адской твари ногу.

Та запнулась и рухнула... прямо на острие клинка тевтона.

При этом с губ ее сорвались некие слова на чистом лешском, которые вообще-то нечисти произносить не положено – ибо непристойная брань, говорят, ее отгоняет.

И слова эти заронили в душу здоровяка некие сомнения...

Меж тем блондин, подойдя к покойному бесу, с каким-то странным выражением на лице безбоязненно пнул ногой тело (или тушу).

Потом еще... И еще раз...

– Вот, значит, как?! – прохрипел он. – Да ты посмотри. – Перси наклонился к мертвецу и потянул за одеяние.

Ветхая ткань порвалась, и в руках рыцаря оказался кусок савана с изображенными на нем черепом и костями скелета.

Всего-то.

Схватив страшилище за рога, тевтон с силой рванул их на себя. Косматая шкура сошла, как перчатка...

Перед ними лежал здоровенный кряжистый мужик с короткой густой бородкой.

– А вот, – пнул молодой человек ногой сумку, из которой выкатились куски гнилого мяса, – для запаха.

Парсифаль поднял с земли кривой выщербленный клинок.

– Вроде египетский хелеш, надо же? – буркнул он, засовывая оружие за пояс. – Из какой пирамиды они его сперли? А я-то...

И вот тут бритт понял, что к чему. И почувал, что его разбирает смех.

Он хохотал все громче, оглашая ночной лес истерическим ревом – так что какой-нибудь случайный путник, доведись ему это услышать, определенно бежал бы в страхе прочь, решив, что это веселится сатир либо кикимора.

Успокоился, лишь получив от Парсифаля крепкий подзатыльник.

– Хватит, – велел тевтон. – И так всех волков с медведями распугал, должно быть, миль на десять. Лучше думай, куда нам теперь деваться?

Гавейн недоуменно уставился на спутника.

– Да-да, подумай-ка, братец... – бормотал истребитель демонов. – Ни денег, ни коней, и нанимателя, кажись, прирезали. И добро бы настоящие бесы, а то вот разбойники.

– Нет, а все-таки хорошо, черти, придумали! – хихикнул здоровяк. – Ведь это каким богохульником надо быть, и вообще... Как просто: если и успеет кто сбежать, так ведь точно ума лишится! Да и кто поверит? Да... А может быть... все рассказы о нечистой силе вот от такого и идут? А?

И он негромко засмеялся.

Глава 4

УТРО СЕРАПИССКОЙ МАТРОНЫ

Серапис, август того же года

Орландина сладко потянулась, стоя у открытого окна.

Учитывая тот факт, что из одежды на ней сейчас имелась лишь шелковая лента, да и та в волосах, поступок довольно опрометчивый для почтенной замужней женщины, каковой она с некоторых пор являлась.

И извинить ее могло лишь то, что окно выходило в сад ее собственного дома.

Прохладный ветерок приятно ласкал нагое тело, навевая какие-то смутные, игривые мысли.

Вздыхнув, бросила взгляд на широкое ложе, застланное лучшими батистовыми простынями. Сейчас оно было пусто.

Ее муж, подающий надежды поэт Стир Максимус, не иначе как по привычке убежал в сад, слагать строки своих «бессмертных» творений, или отправился на кухню – закусить. А может, вообще ушел с утра пораньше, не попрощавшись даже с женой, на городской Форум – проводить время в компании таких же сочинителей.

Молодая женщина сдвинула брови.

Не то чтобы они со Стиром ссорились или тем более она сожалела о браке с любимым человеком, но...

Что-то в их отношениях было не то.

Ой, не то...

И что хуже всего, это самое «не то» было и во всей ее жизни – с самого триумфального возвращения в город, ставший родным.

Когда чуть больше полугода назад она сошла с галеры под императорским штандартом на Южную пристань Сераписа и собравшаяся толпа встретила их – ее с сестрой и нового наместника города – Эомая, ставшего мужем Орланды, приветственными криками, чего греха таить, у Орландины сладко закружилась голова – да и у кого бы не закружилась.

Потом она сама вышла замуж, и им со Старом подарили вот этот двухэтажный дом с перистилем и бассейном в небольшом, хотя и тенистом саду, принадлежавший прежде какому-то из заговорщиков, прирезанному своими же еще до позорного падения Мерланиуса.

(Первое, что сделала бывшая амазонка, так это рассчитала всех слуг, кроме приходящей кухарки – не привыкла она жить в доме с чужими людьми.)

И вот уже третий месяц они с супругом обитают тут.

Чем не жизнь? Да любая из ее товаров по легиону запрдала бы душу всем подземным богам за такое счастье.

Но она-то не любая!

В детстве Орландине довелось слышать множество сказок самых разных народов – почти всех, которые были представлены в Сераписском легионе вольных воинов.

Но рассказанные хоть в скромном уюте домика матушки Сэйры, хоть у лагерных костров, они всегда заканчивались почти одним и тем же. Царевич, принц, конунг, вождь или еще кто-то побеждал узурпатора, рубил голову чудовищу, женился на самой красивой девушке, королевской дочери или даже богине и... и жил долго и счастливо.

Продолжения обычно не было, и Орландина уже смутно понимала почему.

Вот вроде есть у нее все. Дом, почести, звание центуриона преторианцев, деньги, честное имя. Муж, наконец...

А счастье?..

Нет, не надо гневить богов, сколько их там ни есть, – живет она хорошо.

И однако не хватает какой-то малости, чтобы чувствовать себя по-настоящему удовлетворенной.

Ведь даже когда они чудом уцелели в пустыне возле мемфисского Города Мертвых, она вовсе не думала ни о богатстве, ни об особняке в лучшем квартале Сераписа.

Ее мечтой было спокойно вернуться сюда, поселиться с сестренкой в каком-нибудь домике на окраине, взять к себе матушку, найти себе и сестре хороших женихов, да и жить-поживать, зарабатывая деньги мечом.

А тут вдруг свалилось все сразу – от гвардейского звания до обожающего ее супруга.

Невольно позавидуешь сестре – Орланда свое положение жены наместника Сераписа восприняла с христианской кротостью – значит, так Богу угодно. Да и то сказать, Эомай – мужчина завидный...

У сестренки правда другие проблемы – хотя аббатису Кезию и убрали из сераписской обители Марии-Магдалины, но выдать имперскому суду категорически отказались – ибо Святой остров еще от августа Херония Весельчака получил привилегию судить своих священнослужителей собственным судом, если тех не брали с поличным.

А раз Кезия успела удрать, то и говорить не о чем.

Живет себе негодная блудница в Новом Иерусалиме, не тужит и козни плетет, распуская паскудные слухи о своей бывшей послушнице, нежданно-негаданно взлетевшей столь высоко.

И не попрешь ведь против – императорский эдикт, нынешним августом подтвержденный. А император не может быть неправ.

Ну да это ладно, а вот все остальное...

Вот, к примеру, мечталось Орландине разыскать их настоящих родителей – не вышло. А как теперь ей все бросить?

Хотела матушку к себе поселить – пожила Сэйра пару недель у них, да в свой небогатый домик в слободке и вернулась.

– Не привыкла я, дочка, к такой роскоши, уж как-нибудь доживу по-старому, – только грустно улыбнулась она, собирая скудные пожитки.

Все острее чужала Орландина, что в ее внешне такой благополучной жизни что-то не так.

И теперь начинала лучше понимать тех из своих бывших товарищей-наемников, кому приваливала вдруг большая добыча на какой-нибудь из войн. Они сперва пытались остепениться да жить как все люди, прикупив лавчонку или трактир, а потом вдруг все бросали и возвращались обратно. К мелким войнам, когда подыхаешь за чужие деньги, к жизни на бивуаках под свист стрел да к ранней смерти – обычной для солдата.

Как-то она пожаловалась на свою непонятную тоску Смолле Смоленой. Та почему-то разозлилась и обозвала ее дурой набитой, а потом выразилась вообще нецензурно, в том смысле, что Стиру надо бы каждый год делать ей по ребенку. Тогда, мол, на глупые мысли времени не останется.

Орландина подошла к зеркалу – роскошному, стеклянному, какие только недавно научились отливать в Лютении – первом в Империи городе по части всяких модных штучек.

Критически передернула плечами.

И без зеркала знает – лишних фунтов десять нагуляла.

От такой жизни растолстеешь.

Присев на край ложа, задумалась.

Да, определенно с ее жизнью что-то пошло не так.

А как шикарно все начиналось!

Весь первый месяц к ней в дом являлись уважаемые горожане.

Иногда с поздравлениями, иногда – с извинениями.

От местной тайной полиции, от купеческих корпораций, от магистрата и квартальных старейшин. Все поздравляли с победой, выражали преувеличенную гордость, что их землячка раскрыла злодейский заговор нечестивого Мерланиуса и помогла державе обрести наследника.

Круг центурионов родного легиона подарил ей золотой меч – знак высшего отличия для вольных воинов.

Даже от пресловутого Драко пришел человек – скромно одетый мозгльк в фальшивых драгоценностях – и сообщил, что доминус Клавдий Пизон и возглавляемые им «ночные работники» Сераписа к уважаемой Орландине никаких претензий не имеют. Ежели же у нее самой имеются какие-либо обиды, то прощеньица просим и всячески готовы возместить моральный ущерб.

Последним пожаловал посланец Аргантония – этого жалкого тартесского царька.

Толстый расфуфыренный вельможа с выкрашенной по древней моде в синий цвет бородой, он все рассыпался в извинениях, благодарил за спасение любимого племянника государя. И даже заявил, что помнит Орландину, когда та поднималась на стены. Под конец от имени Аргантония подарил шкатулку с драгоценностями да еще триста золотых солидов (четыреста пятьдесят имперских ауреусов!) в качестве компенсации за незаконный призыв в тартесское ополчение.

Весь разговор Орландина лишь презрительно кивала, вглядываясь в лицо гостя.

«Не знаю, пузанчик, видел ли ты меня, а вот тебя я точно видела...»

Она хорошо помнила, как Аргантоний со свитой частенько появлялся ввиду стен Тартесса (благо разумно не приближаясь на полет стрелы) и важно сидел на переносном троне, созерцая осажденный город. Не иначе надеялся, что от одного его вида жители откроют ворота. Этот синевородый был в числе вельмож, окружавших узурпатора.

А еще в ее памяти сохранилась картина, когда почтенный Эргион Ушбар (так звали толстяка), возглавлявший посольство Тартесса в Дельфах, требовал от жрецов заключить их с сестрой под стражу и выдать юного царя-беглеца Кара (между прочим, своего воспитанника) на суд Аргантония.

Солиды она отдала во «вдовью казну» легиона. Туда же думала пожертвовать и украшения, да муж как увидал их, прямо ахнул – среди этих побрякушек, оказывается, были и штучки древней тартесской работы, созданные по образцам времен Атлантиды.

Чуть не на коленях уговорил жену оставить цацки, и при каждом удобном случае заставлял цеплять на себя.

Хорошо хоть не требовал носить ритуальное кольцо для носа жриц тамошней богини... как ее там? Ладно, неважно.

Но все остальное – святое дело.

Словно гордость мужчины не в жене, а в том, что на ней надето! Право слово, как будто не поэт, а торгаш.

Вот на вчерашней вечеринке у Публия Трималхиона, уже месяц праздновавшего удачное избавление от уголовной ответственности за измену престолу (по слухам, стоившее банкиру чуть ли не половины его немаленького состояния), она сидела в шелковой тунике и в дурацком тартесском ожерелье, напоминающем золотой ошейник, слушала разговоры гостей про цены на вино и оливковое масло да комплименты мужчин с сально блестящими глазками. Для вида, правда, говорили – какие прекрасные стихи пишет ее муж и как они гордятся, что столь замечательный служитель муз живет в их городе.

Да, вот еще проблема – Стир. Вернее, его стихи.

Писал бы эти... элегии или гекзаметры. Ну, на худой конец – песни про пиратов и веселых девиц.

Так нет же – пробило вдруг ее муженька на сатиры с политическим подтекстом.

Взбрела ему в голову чушь несусветная. Дескать, нелады у них в державе. Оттого вся история с Арториом и Мерланиусом и стала возможной.

Писал он, конечно, без *оскорбления величества и покушения на отеческих богов* – в этом смысле жители аллеманских провинций выдрессированы как следует. Чувство самосохранения им еще Атаульф Клавдий Безумный привил.

Но вот все остальное...

Вот на вчерашнем пиру он, встав на стол, хотя вроде и выпил мало, прочел очередные стишки:

В Империи немного света,
Царят в ней деньги и чины.
В Империи мечта поэта –
Наестся вдоволь ветчины.
Мне за Империю не стыдно...

Дальше Орландина не помнила – тем более собравшиеся дружно заплодировали, наперебой восхваляя творца и при этом многозначительно ухмыляясь.

Еще бы – в Сераписе каждый третий патриций и по сию пору не против, чтобы Арторий сел на александрийский трон.

В общем, с пира она ушла злая, да еще и чуть не разругавшись со Старом.

К тому ж девушку жутко злило, что весь вечер на ее законного мужа пялилась, подмигивая, эта похотливая купчиха Диана Винценгеторикс, вызывая труднопреодолимое желание запустить в нее блюдом или тарелкой.

Да у них в Солдатской слободке начни кто-то столь нагло делать намеки чужому мужу – выдрали бы все патлы! А тут нельзя – высшее общество!

И хотя ночью Стир попытался возместить ей испорченное настроение, но между любовными ласками бывшая амазонка некстати подумала, что свою немалую сноровку в ублажении прекрасного пола супруг наверняка приобрел в постели всяких распутных патрицианок да артисток, падких до смазливых певцов.

Да, еще немного, и она таки выскажет Стиру, что, видать, кое-что ослиное у него осталось – мозги.

Вот, между прочим, ушел с утра и даже не предупредил. Опять небось заявится ближе к ночи и скажет, что просто будить не хотел!

От невеселых размышлений Орландину отвлек шум за стеной.

Сперва она подумала, что явилась кухарка – спросить, чего госпоже угодно откусать на завтрак. Но звуки раздавались со стороны кладовой, где амазонка держала имевшееся у нее оружие.

Кто-то, вполголоса чертыхнувшись, зазвенел за стеной железом.

Орландина сдвинула брови.

Это уже начинало раздражать!

Не иначе ее драгоценный супруг решил пренебречь обществом других стихоплетов и придумал себе новое развлечение – вдохновения ради забрался в оружейную кладовую. И теперь наверняка картинно взмахивает мечом, изображая Геракла или Спартака и сочиняя очередную героическую поэму.

– Стир! – крикнула она. – Положи оружие на место: порежешься еще.

Вновь зазвенел металл, и снова кто-то воскликнул – вроде бы на непонятном языке, но с испугом.

– Стир, хватит, это не игрушки!

Но Максимус не унимался. Теперь он начал греметь доспехами – должно быть, пытался натянуть ее церемониальную преторианскую кирасу.

– Да перестань же!.. – начала не на шутку сердиться девушка и, как была без ничего, выскочила в коридор.

Спустя несколько мгновений ее рука решительно рванула дверь оружейной.

– Ой! – только и смогла растерянно вымолвить отставная амазонка, машинально прикрывая ладонью низ живота.

В центре оружейной комнаты грудой валялась ее парадная позолоченная броня, подаренная августом Птолемеем Сорок Четвертым.

А рядом, виновато потупившись, стоял невысокий мохнатый человечек с короткими, как у новорожденного козленка, рожками и детским личиком.

Глава 5

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Куявия, Чернобыль, артанийско-куявская граница, конец июня того же года

Ну, наконец-то...

Небритый детина, презрительно зыркнув на путников, брякнул на стол перед Парсифалем обгрызенный деревянный поднос. На нем сиротливо ютилась миска с жареной бараниной. Рядышком примостились две лепешки и пара кружечек квасу. Или, лучше сказать, кружечек. На большее у пары экс-рыцарей денег не нашлось.

Еще пара медяков были отданы за право переночевать сегодня и завтра в этой корчме, расположенной неподалеку от заставы на границе Куявского царства.

Больше у Гавейна и Парсифаля денег не имелось.

Вот уже пятый день сидят они тут, в этом забытом всеми богами и чертями местечке, славном лишь древним храмом Чернобога да еще древним запретом – строить в городе и окрестностях на двадцать верст какие-либо гончарные, стекольные и прочие мастерские, где работа связана с огнем. (Сделано это было из-за какого-то древнего предсказания.)

Заведение именовалось «Три кабана». Вместо вывески конек крыши украшали три клыкастых черепа сих милых созданий.

Откровенно сказать, бродяги предпочли бы заведение поизысканнее, но выбирать не приходило – день подходил к концу, а на дорогу до столицы и въездную пошлину в Киев денег уже не набиралось.

Тускло коптили масляные лампы, неровные багряные отсветы ложились на стены, но несмотря на это все-таки большая часть помещения оставалась сокрытой мраком. За окном мерно капал дождик, в камине сухо трещали поленья.

Парсифаль жевал жесткую баранину и размышлял о скверном положении, в которое они угодили. И «задница Плутона» было, пожалуй, не самым крепким из выражений, которые просились ему на язык. После того как два незадачливых рыцаря решили отправиться в Куявию, соблазнившись высоким вознаграждением борцов с нечистью и полагая, что там никому не будет дела до их прошлого, злобная Фортуна принялась преследовать их с удвоенной силой, не оставляя своим вниманием.

Сначала эта зловещая история с крокодиллом. Потом – нападение прикинувшихся демонами разбойников, когда Гавейн с Парсифалем лишились и коней, и провожатого.

Они решили добираться до Куявии сами...

Ох, лучше бы им внять предупреждению судьбы и поискать себе другого пристанища, нежели эта варварская страна.

Двинулись к границе пешком.

Из-за очередной мелкой смуты в лехских землях прямой путь к куявской границе оказался перекрыт, и им пришлось двинуться круглым путем. Нет бы тихо пересидеть неприятности в этом самом Большом Дупле!

Вспомнить только, как их чуть не забили дубинами дикие литовцы – уж чем им не приглянулись два безвредных путешественника, Марс ведает. (Ну, потискал Гавейн торговку на базарной площади – так ведь не убыло от нее!!)

В конце концов путники сели на струг спускавшихся по Березине в Данапр-Борисфен купцов, заплатив последние деньги, и уже решили, что их злключения кончились.

Не тут-то было!

На рубеже Артании и Куявии тамошний сборщик пошлин, безошибочным чутьем опознав в них подозрительных бродяг, взял с обоих рыцарей мзду за въезд в страну – по пять денариев с головы: ровно столько, сколько у них было.

После этого купцы высадили их прямо на берег, заявив, что с сомнительными типами им не по пути.

И вот теперь они здесь, почти у стен столицы Куявии – самой сильной и богатой страны Троецарствия.

Без денег, без друзей, без знакомых.

Ладно. Как-нибудь доберутся до Киева, явятся в дружину Велимира, но что там скажут, увидев парочку оборванцев? Борцы с нечистью, ха!

Именно эту тему они обсуждали вчера и единогласно решили, что деньги добудут, ограбив кого-нибудь. И сделать им это придется завтра, самое большее – послезавтра, иначе их просто выкинут вон и придется ночевать под открытым небом, питаясь подаянием.

Уже вчерашней ночью заготовили подходящую амуницию – из лишней одежды, длинной ветхой рубахи, украдкой снятой с огородного пугала, и позаимствованной без спросу на кухне рогожи, они соорудили два устрашающих балахона и закрывающие лица маски, в которых должны были слегка напоминать приснопамятных лехских «демонов».

Не дело, конечно, рыцарям, пусть и бывшим, становиться разбойниками, но жить-то надо!

И вот теперь они сидели, пили пиво и ждали жертву.

Перси нервничал.

Поневоле на ум приходили воспоминания о виденной на первой заставе большой доске с вырезанными письменами – свод местных законов.

Гавейн написанного не разобрал – он и по-латыни читал не без труда, а вот более образованный тевтон сумел понять кое-что из украшавших доску надписей.

Повествовали они о карах за разные неблагоприятные деяния, принятых в Куявии.

Хотя и давненько уже учился в школе незадачливый потомок римских патрициев и германских вождей и достаточно плохо усвоил здешнее письмо с его «чертами» и «резами», но вбитая указкой педагога наука полностью не забылась.

И теперь Парсифаль невольно повторял про себя: «сто ударов плетью», «колесование», «четвертование», «отсечение головы мечом», «поджаривание на медленном огне», «разрывание лошаадьми с конфискацией имущества»...

Суровость законов Троецарствия была хорошо известна, а лихих людей преследовали неустанно.

Вот и сейчас на дверях корчмы висел истрепанный лист бересты с описанием какого-то злодея, совершившего уже непонятно что. Ясно можно было прочесть лишь самую нижнюю строку: «Изловить и повесить».

Гавейна занимали мысли более практичные.

Дело в том, что в корчме не наблюдалось подходящего для ограбления объекта.

У очага пристроились молчаливые возчики в надвинутых на глаза широкополых шляпах. Рядом с ними к столам были прислонены бердыши и шестоперы. Чуть правее, за угловым столиком деловито доедал свой припозднившийся обед тучный купец в компании трех угрюмого вида телохранителей.

Тихо брэнчал на гусях бродячий певец – при нем из оружия имелся лишь нож за голенищем сапога. Но что возьмешь с калики перехожего?

Остальная публика тоже не производила впечатление легкой добычи.

Рослые норманны в грубой одежде из меха и дубленой кожи. И у каждого на поясе в петле болтается острый топор с двойным лезвием. Смуглые кочевники в малахях и просторных пестрых халатах – все при саблях и луках.

Крупный мужчина с ярко-рыжей бородой в потрепанном пластинчатом доспехе искусной работы. На стойке, рядом с ним, лежал длинный двуручный меч.

Да, не забалуешься...

Правда, время еще есть. Но что, если тут за эти два дня не появится никто подходящий?

Гавейн задремал.

Снились ему ароматные бифштексы, соленая черноморская кефаль и нежный тунец, копченые осьминоги, заячье рагу, жареные и заливные молочные поросята, фаршированные куропатки, устрицы под соусом из сицилийских лимонов, соленые опята и супы из отборных раков...

Все то, чем их кормили в трапезных ордена Стоячих Камней.

И где теперь все это?

– Эй, Гавейн, проснись: кажется, это то, что надо! – разбудил его шепот приятеля.

Открыв глаза, британец увидел, что в таверну вошла женщина...

Черный войлочный плащ скрывал фигуру и лицо гостьи, но как только она сбросила капюшон, стало видно, что ока молода – ей лет двадцать пять от силы. Опиралась на резной посох, но нужен он ей был скорее для украшения.

Незнакомка скромно уселась в углу и попросила горячего сбитня и жареную курочку, расплатившись вперед – причем серебряной монетой, не пересчитав сдачи.

У Перси с Гавейном синхронно потекли слюнки. Монета была большой, солидной. Не какой-то паршивый сестерций и не местные мелкие как чешуя грошики...

И, судя по туго набитому поясу, отнюдь не последней!

Да и штаны на девке не из чего-нибудь – из дорогого шелка.

Бывшие рыцари, а ныне бродяги, принялись внимательно изучать будущую жертву.

Одета она необычно – под потертым плащом на ней были черные широкие штаны и сапоги, безрукавка тонкой замши поверх вышитой сорочки. Весь багаж составлял туго набитый небольшой мешок с широкой ляжкой. На поясе висел короткий меч или даже скорее тесак...

Интересно, кто же она такая?

Как знал Парсифаль из книг, Куявия, как и прочие земли Троецарствия, страна весьма дикая. Есть в ней племена, где всем заправляют женщины. Наверное, эта из такого варварского народца.

А стало быть, не ожидает неприятностей от презренных мужланов.

Правда, вот клинок на поясе...

В голове Перси враз ожили воспоминания о встрече с амазонкой в песках возле мемфисского некрополя.

Но там воительница была в компании с несколькими колдунами. А тут как-никак одна, а их двое!

Теперь осталось дожидаться, пока эта глупая дама покинет заведение, а потом отправиться следом за ней.

Можно будет, кстати, и развлечься, хе-хе...

Файервинд потягивала сбитень, наслаждаясь отдыхом после долгого пути, и лениво размышляла.

Со времени встречи с Учителем в северных горах прошло два месяца...

Проходивший мимо торговый обоз без проблем подобрал ее – купцы удовольствовались легендой, что она – знахарка из Аркаима, ищущая редкие и стоящие баснословных денег целебные травы, которые растут исключительно в этих диких горах.

Проводник, малорослый смуглолицый парень, попытался было что-то сказать хозяину, лопоча насчет недобрых мест, но колдунья, улучив момент, шепнула ему на ухо на его родном языке: «Не заткнешься, корешок отсохнет».

Намек был понят.

В дороге она вправила пару вывихов и вылечила одно расстройство желудка, так что если у кого-то и имелись подозрения, то вскоре они рассеялись.

Правда, возникла проблема – старший купец, ражий детина лет под сорок, стал слишком уж внимательно глядеть на нее масляными глазами, а потом и зазывать в свою палатку «посмотреть его больную спину».

Пришлось наслать на него легкий морок, так что утром он проснулся весь выжатый как лимон и с твердым убеждением, что всю ночь занимался любовью с пригожей знахаркой.

Две недели назад она, поблагодарив торговцев, оторвалась от обоза и направилась к Чернобылю в ожидании подходящей okazji отправиться в Киев. К старому дураку Велимиру. Пара золотых солидов из казны Мар-Гаддона и место на ладье, шедшей на юг, оказалось ей обеспечено.

Вот еще вопрос – как ей втереться в доверие к князюшке?

Конечно, магией задурить голову несложно, но...

Внезапно ощутила направленный на нее поток внимания – и внимания *недоброго*.

Незаметно скосив глаза, Файервинд узрела двух небритых типов, внимательно ее изучающих. Подобные встречи случались не раз в долгой жизни ведьмы и всегда заканчивались нехорошо для развратных наглецов.

Смущало, что во взглядах парочки не было похоти.

Мысленно чародейка произнесла заклятие и усмехнулась. Аура незнакомцев была серо-коричневой, лишь слегка отливая оранжевыми тонами желания.

Голод и жадность владели ее новоявленными врагами.

Ясно – двое неудачников, судя по лицам, жители дряхлой Римской Империи, поиздержавшись, решили пополнить кошель старым как мир способом, при этом выбрав, как им кажется, беззащитную жертву.

Намерения их читались в ауре элементарно.

Ограбить, а в случае чего убить и изнасиловать.

Слава темным богам, именно в такой последовательности, а не наоборот.

(Признаться, то, что ее великолепное тело было для разбойников всего лишь в лучшем случае приложением к ее кошельку, в глубине души задело ведьму.)

Минуту или две Файервинд обдумывала, как ей быть. Пришедший в голову план заставил ее улыбнуться. Он был безупречен. В любом случае она выиграет. Тем более нечто подсказывало ей – эта встреча *не простая случайность*.

* * *

Утро вступило в свои права.

Весело пели птицы, приветствуя солнце, и в унисон им доносилось пение жрецов из храма Чернобога – они благодарили своего владыку за то, что тот соблаговолил уйти и ночь сменилась днем.

А из ворот харчевни «Три кабана» появился одинокий путник, вернее – путница.

Следом за ней не вышел никто. Ибо те, кто наметил ее своей жертвой, покинули заведение за полчаса до того, и теперь их глаза следили за чародейкой из-под низко надвинутых капюшонов хламид.

Оба рыцаря осторожно следовали за Файервинд, перебегая от дерева к дереву и маскируясь среди придорожных кустов. Незаметно преследовать и скрытно нападать их выучили еще в первый год пребывания в ордене.

И сейчас тевтонец и бритт готовились применить столь неблагородные, но порою полезные знания на практике. Да не ради высокой цели и не к вящей славе ордена, а ради того, чтобы отобрать кошелек у беззащитной тетки.

Между тем Файервинд, прекрасно зная о преследователях, медленно, но верно сокращавших расстояние, не могла удержать улыбку.

Парочка грабителей действовала довольно ловко и хитроумно, что было весьма странно – обычно лихие люди предпочитают тупую и прямолинейную тактику: засесть в засаде, а потом кинуться на оторопевшего путника, беря не умом, но наглостью и нахальством.

Чародейка пожала плечами.

За ее очень долгую жизнь кто только на нее не нападал – от наемных убийц, посланных обиженными ею королями, до боевых монахов из инквизиции Святого острова и от пиратов до коллег-колдунов. (Все попытки кончались для ее врагов одинаково плохо.)

Но вот разбойники встретились ей первый раз. И то попались какие-то необычные разбойники.

Ну ничего, разберемся.

А пока немного поиграем.

Та-ак...

Сейчас небольшое заклятие Круглого Пути, какое так любят лешие. Легкий Туманный Полог – и посмотрим, как два охотника за чужим добром будут блуждать в трех соснах.

* * *

– ...Послушай, а ты точно помнишь, что она шла именно тут?! – уже, наверное, в третий раз справился Гавейн.

– Да говорю ж тебе – сам видел, как она сюда свернула! – рыкнул, теряя терпение, Парсифаль.

– Тогда почему?..

– Да не знаю я! – вспылил тевтон. – Отстань! Лучше смотри в оба! Она не могла далеко уйти!

И в самом деле – уйти в этом небольшом придорожном перелеске было решительно некуда. Слева и справа от него тянулись старые безлесные пустоши на месте, где мужики выжигали лес под пашню (хорошо живет тут народ, земли много).

А прямо лежало болото, куда путница вряд ли бы сунулась.

Неужели же треклятая девка что-то почуяла и сумела их обмануть? Нет, чушь! Не ведьма же она в самом деле?!

Парсифаль с Гавейном совсем было отчаялись и хотели уже повернуть обратно, как вдруг деревья расступились, и узкая тропинка вывела их на поляну.

Там на пенечке сидела их предполагаемая жертва, мирно расстелив перед собой платочек, на котором лежала луковица и пара яиц – она, видно, решила перекусить в дороге.

Файервинд же своим вторым зрением изучала вывалившихся на поляну вострапанных громил.

Ничего вроде особенного. Два голодных и злых мужика, наверняка давно не мывшихся. Один – явный тупица, второй – хотя и поумнее да поприморозее, но трусоват и невежда.

Ага! Это что-то новенькое. Хм-хм...

В их ауре она заметила слабый отпечаток некой странной, но весьма могущественной магии, не похожей ни на обычное земное чародейство, ни на старую и хорошо знакомую магию народа ти-уд, ни на волшебство Малых Народцев.

Это удивило и встревожило ее.

Пожалуй, с ними надо будет поговорить.

– Мир вам, святые отцы, – с милой улыбкой приветствовала их Файервинд.

– Привет и тебе, дщерь наша, – буркнул из-под капюшона Гавейн, вспомнив годы, проведенные в ордене Мечехвостов. – Куда направляешься?

– Я? – переспросила Файервинд. – Моя дорога лежит в Искоростень, достопочтенные.

– Искоро... что? Так вот знай, красавица, что дорога эта на Киев лежит, – развеселившись непонятно почему, заявил Гавейн. – Не хочешь ли ты обмануть нас? Это же грех...

– На Киев? – Дрожь в голосе Файервинд была почти неподдельной. – Тогда простите, святые отцы, мне нужно сейчас же идти искать другой путь. Вы же не будете возражать, если я вас покину?

С милой улыбкой Файервинд встала.

– Не будем! – подтвердил бородач. – Но сперва скидывай с себя пояс! Посмотрим, чем он у тебя набит!

– Э-э-э... простите, что вам надо? – удивленно переспросила девушка, округляя глаза.

– А чего тут понимать, елы-палы?! – гаркнул, теряя терпение, бритт. – Гони монеты, дура безмозгляя! И вообще, не слышала разве – бог велел делиться!

– Если никого грабить не будут, то богатеев слишком много разведется! – поддакнул Перси. – Ну ладно, ты мне понравилась, убивать не будем... – Мерзкая ухмылочка появилась на лице парня. – Ну разве что позабавимся слегка! Или не слегка...

– Отдавай золото, крыса! – набычился Гавейн, надвигаясь на стоящую столбом Файервинд.

– Но... Я... Как же это?..

– Деньги давай, деньги! – вышел из себя и тевтон. – А то хуже будет! Или скажешь – у тебя денег нет?

Грубый голос, казалось, вверг девушку в полное замешательство.

– А! – вдруг ткнула она пальчиком в сторону готового взорваться Перси. – Я поняла! Так вы разбойники, да? Но ведь тогда вас казнят! Святые отцы, вам нужно бросить это греховное и богопротивное занятие! Вы погубите не только тела свои, что палачам отданы будут, но и души...

Гавейн опешил.

– Ты че, совсем ум потеряла?! Ты сама деньги отдашь или мне их с твоего трупа снимать?

– Нет, нет, что вы, – залопотала девица. – Я, конечно, отдам вам все...

Она торопливо зашарила за пазухой.

– Ну где же они? Ну вот... Забыла... – сокрушенно заморгала. – Забыла...

С виноватой улыбкой провела рукой по туго набитому поясу.

– Смотрите, тут же ничего нет – совсем пояс пустой.

– Так ты издеваешься! – взвизгнул Парсифаль, медленно извлекая меч из ножен. – Ну не взыщи! Раз ты не поняла...

Блондин высоко поднял меч, готовясь обрушить его на беззащитную жертву, неподвижно стоящую у пенька.

Когда до девушки оставалось шага три, она резко повернула кисть правой руки, в которой держала посох.

И его нижний конец, обитый медью, описав дугу, врезался аккурат между ног тевтона.

– А-а-а-а-а-а-а!!! – завыл, заревел Парсифаль, словно дракон, которому прищемили то самое место, куда с такой точностью угодила Файервинд.

Выронив меч, он покатился по земле, держась обеими руками ниже пояса и путаясь в лохмотьях.

– Если ты, жирный боров, не понял, что тебе и твоему дружку лучше свалить отсюда, пока еще можешь убрать с моей дороги свое толстое пузо и пустую башку, то не жалуйся! – произнесла Файервинд, со змеиной улыбочкой глядя на крепыша.

Уже в глубине души осознавая, что проиграет, Гавейн устремился в атаку, выхватывая клинок из-под одеяния.

При этом распахнувшийся балахон зацепился за можжевельный куст. Жалобно затрещав, прелая рогожа порвалась, и половина хламиды повисла на ветвях, отчего вид британец приобрел весьма комический.

По-разбойничьи свистнув, Файервинд перехватила посох двумя руками, лихо его закрутив.

Угрюмо прорывав что-то, бородач выставил вперед верный гладиус, прикидывая, как отбить опасно вертящуюся деревяшку.

Про эти хинские штучки с борьбой на посохах он краем уха слышал. В ордене этому даже обучали желающих. Но зачем нужны какие-то палки, когда в руках добрый меч из отличной стали?

Оконечность посоха, блестя стертой медяшкой, полетела прямо в лоб Гавейну, и он уже приготовился отбить дрын, а потом достать в выпаде проклятую бабу, в эту минуту так напоминавшую треклятую амазонку!

Не тут-то было – посох по-змеиному отскочил назад, а потом вновь метнулся вперед, клюнув Гавейна в запястье.

Тот мгновенно перестал чувствовать правую руку.

Меч выпал...

Последнее, что видел крепыш перед тем, как в его голове взорвался огненный шар, после чего наступила тьма, был устремившийся прямо ему в лоб медный наконечник...

Ухмыльнувшись, чародейка перевела взгляд с неподвижного тела поверженного бритта на стонущего и воющего Парсифаля. Пошевелила пальцами, словно разминая затекшие ладони, и туша тевтона перестала корчиться и замерла.

Теперь с ними можно будет поработать спокойно. Выяснить, что это за люди, случайно ли они попались ей на дороге и кстати – откуда взялась эта непонятная магия, с какой они не так давно имели дело.

Потом...

Потом посмотрим, что с ними делать.

Однако же заниматься всякими тайными делами рядом с оживленной дорогой не слишком сподручно. Вдруг да какому-нибудь проезжему купчине вздумается тут сделать привал? Или уйти в лес с пригожей рабыней? А не дай Темные Владыки, еще принесет нелегкая какого-нибудь жреца-заклинателя, который почует творимое волшебство.

Вот только как оттащить подальше этих амбалов?

Вздыхнув, Файервинд уселась на пенек и с хрустом сжевала луковицу.

Да, задача не из простых.

Конечно, она могла бы благодаря своим умениям поднять и унести и этого белокурого хлыща (она неприязненно покосилась на распростертого на траве Парсифаля), и его попутчика-бугая.

Но потом тело все равно отомстит за перегрузку. Да и не дело ей, чародейке и женщине, таскать тяжести.

Заклятием Лишения Веса она, увы, не владела – оно относилось к тем, которые Высшие (так велели называть себя ти-уд) неохотно делились со своими учениками из числа людей: Файервинд знала от силы человек десять, умевших его использовать.

Можно, конечно, задействовать Амулет Силы, но он наполовину разрядился, а другого старый скупердяй (слава Темным, он далеко и не услышит) для своей любимой ученицы пожалел. Да и не дело тратить драгоценную ману на такое в общем мелкое дело. А то в решающий момент ее может не хватить.

Но в конце концов чародейка нашла выход.

Закрыв глаза, она просканировала окрестности и через минуту удовлетворенно хмыкнула – шагах в трехстах от нее мирно дремал матерый кабан-секач.

Не прошло и пары минут, как он уже, повизгивая от радости, мчался к Файервинд.

Как только клыкастая тварь (возможно, брат или дядя тех, чьи черепа украшали трактир, давший ей ночлег) приблизилась к девушке, она ту же произнесла *Большое Звериное Слово* – именно от него происходит *Малое Звериное Слово*, которому в давние времена отступник Промеат научил диких людей.

Кабан тут же склонил голову в покорности, после чего ведьме осталось лишь передать в его мозг картинку того, что нужно делать.

Вскоре она уже шла по лесу, небрежно пожевывая травинку, а впереди нее пыхтящий секач волок зубами за шкуру два бесчувственных тела, словно кошка – котят.

Глава 6

ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

Серapis, дворец наместника, август того же года

Нет, жить и впрямь хорошо!

Разве можно предаваться унынию, когда перед тобой на столе расположилась этакая-то благодать? Положительно, только закоренелый мизантроп и мерзкий богохульник станет отрицать очевидное.

Вот хотя бы эти превосходные овощи. Сочный латук, доставленный прямо из Египта. Краснобокие томаты, привезенные из-за Океана. Крепенькие пупырчатые огурцы (ну, эти «земляки», выращенные в какой-нибудь из сераписских латифундий).

А фрукты? Наливные яблоки, медовые груши, кисло-острый ананас...

Тут бы Горация с Вергилием надо, чтобы описать изобилие даров Цереры. На худой конец Стира Максимуса. Правда, тот больше по части политической сатиры мастер. А с чего бы? Неужели ему так плохо живется в благословенной Римской Империи? Вроде и дом полная чаша, и жена красавица, и вес в обществе имеет. Чего еще для счастья надобно? А вот же...

Сколько раз уже приглашал его Эомай на беседу. И не как наместник провинции, а по-родственному. Просил быть осторожнее в высказываниях. Ведь столько «доброхотов» вокруг. Так и норовят насолить новой власти, отобравшей хлебные места у прежних отцов города. Тут надо бы вести себя скромно, с оглядкой, пока не упрочится их положение.

Стир кивал, соглашался, но, только ступал за порог наместничьего дома, тотчас же забывал все клятвы и обещания. Что с него взять? Одно слово – поэт.

Но что это с утра о грустном?

Не лучше ль заняться вот этой обливающейся каплями золотистого жира перепелкой, фаршированной трюфелями? Или аппетитными аллеманскими колбасками, обжаренными в луково-томатном соусе?

Что-то аппетит пропал. Вот так всегда. Стоит лишь подумать о печальном, и он куда-то улетучивается.

А ведь раньше такого не было. Наоборот, едва видела перед собой накрытый стол, так сразу и приходила в доброе расположение духа.

Правду говорят умные люди, что от высокого положения хорошему человеку одни слезы да неприятности.

Лучше бы Эомай тогда отказался от должности. Знал же, сколько хлопот принесет наместничество в Сераписе. Но попробуй отговорись, когда насели со всех сторон. И старенький август Птолемей, и императрица Клеопатра, и главный советник Потифар. Даже сам цезарь Кар лично просил ее супруга помочь восстановить порядок в Империи.

Кар...

Златокудрый, голубоглазый мальчуган, волею судьбы ставший наследником огромной державы. Как он там?

Совсем забыл свою подружку. Не пишет. Только передает неизменные поклоны в официальной переписке с Эомаем. Обиделся, что не его выбрала? Так ведь сердцу не прикажешь.

Да и не пара они друг дружке. Он ведь природный государь, потомок царей Тартесса, ведущих свой род от атлантов.

А она... Ни рода своего не знает, ни племени. Всего-то и родственников, что сестра-близняшка. Пытались они с Лаской разузнать что-либо о своих родителях, да так у них ничего и не вышло.

Зато Кезия хорошо все ведает о родословной своей бывшей послушницы. Пригелась у своего братца в Болонье и рассылает по всей провинции хулительные хартии против «впавшей

в блуд и ересь дочери сатаны». И ведь прямо по имени не называет ни ее, ни Эомая. Боится, что плюнет наместник на иммунитет, предоставленный кляузнице Святым островом, и таки доставит ее на суд скорый и справедливый.

«Блуд и ересь!» Уж кто бы говорил! Забыла «матушка-настоятельница» как сама во святых стенах обители предавалась скверне, кувыркаясь, прости Господи, в своей келье со встречным и поперечным, а наипаче же с главным заговорщиком Газдрубалом (упокой, Создатель, его грешную душу).

Ох, надобно хоть кофею испить с пирожным. Чудодейственное зелье из Аунако хорошо способствует исцелению души от тоски и уныния.

Хм, а где же выпечка?

Ну!..

Просто слов нет!

Нигде за ним не поспеешь.

Уж кто не меняется со временем, так это некое пушистое и ушастое существо, обладающее поистине неутолимым аппетитом.

«Ви-и».

Еще обижается. Будто неправду молвила.

«Ку-ви-и» – «А тебе завидно?» – привычно «перевела» она.

Кусик, он и в доме наместника провинции кусик.

Только раздобыл изрядно на патрицианских харчах. Еле передвигается. Не мешало бы кое-кому и на пост сесть.

«Ви-и-и кви!» – «На себя, сестрица, посмотри!»

Ладно, ладно. Правда твоя. Оно хоть и нет аппетита, а как-то само собой естся. А еще эти постоянные приемы. Гости, угощение... Где тут за фигурой уследить. Ну, прибавила пару фунтов...

«Ви?» – «Сколько, сколько?»

Еще и дразнится, нахлебник!

О, с чего бы это Ваал так встрепенулся? Подобное с ним случается, если...

Ну да, так и есть! Сестрица припожаловала.

Дверь с шумом отворилась, пропуская легионера, стоявшего у дверей на карауле (дурацкий обычай, отменить который, как ни уговаривала она мужа, не удавалось). Бедолага влетел в покои задом вперед, полусогнутый и при этом держась руками за живот. Шлепнувшись на пятую точку, воин забормотал извинения и тут же на четвереньках подался на выход.

По пути он уперся лбом в женские ноги, одетые в кожаные скифские штаны, испуганно чертыхнулся и поспешил обогнуть препятствие, при этом получив ощутимый пинок в мягкое место.

– Ласка! – попробовала мягко пожурить неукротимую амазонку Орланда, но нарвалась на свирепый взгляд сестры и закрыла рот.

Ну не любила воительница «домашних вояк», как она презрительно именovala почетную дворцовую стражу.

Орландина была не одна.

Рядом с нею, испуганно посматривая по сторонам, жался какой-то подросток, с головы до пят закутанный в парадное облачение авгура (недавно Стир был пожалован этим званием и одеяние наверняка позаимствовали из гардероба поэта).

– Что за маскарад? – недовольно нахмурилась супруга наместника, которой по положению требовалось следить за соблюдением ритуалов, в том числе и пресекать любое надругательство над государственными культами.

– Познакомься! – как ни в чем не бывало молвила Лыдинка, при этом отвешивая своему спутнику легонький подзатыльник.

Тот от неожиданности шагнул вперед и отпустил край тоги. Капюшон, до самого носа прикрывавший лицо парня, соскочил, открыв взору пораженной Орланды рыжую шевелюру, из которой озорно торчали... маленькие козьи рожки, круглые юношеские щеки, нос-картошку и изумрудно-зеленые глаза, испуганно всматривающиеся в хозяйку дома.

– Да ведь это же!.. – Рука экс-монашки непроизвольно сотворила крестное знамение.

– Это Бубликус! – торжественно представила гостя амазонка, устремляясь к накрытому столу.

– Бублик! – проблеял малыш, шаркнув ножкой и мило покраснев.

– Сатир!! – взвизгнула Ланда.

– Вообще-то мы лесные князья, – насупил рыжие бровки «чужачек».

Гордый титул невольно напомнил девушке об одном хорошем знакомом, в компании которого им с сестрой пришлось пережить немало приключений.

– Постой, а ты, часом, не из...

– Вот именно! – перебила ее сестра, жуящая фаршированную перепелку. – Иш Куявии он. От нашего друга Вареникша.

– Ой! – обрадовалась юная наместничиха, враз забывая о своем высоком положении. – Да что ж это мы стоим? Милости прошу к столу, гости дорогие.

– Ага, ф шамый раз сейшас шлопать какой-нибудь вкушнятинки! – Рука амазонки потянулась к кувшину с вином. – Давай, пацан, не стешняйша! Когда ты в последний раз ел по-человечески?

– И то верно! – не стал ломаться сатиленок.

Ваал подозрительно взглянул на претендента на место за ЕГО столом. Чего это косматый удумал? Что кусик вот так просто позволит первому встречному лопать приготовленные для них с Орландой лакомства?

Зверек, выставив вперед оскаленную мордочку, ринулся мохнатой грудкой на защиту любимой колбасы, и тут...

«Ви-и!» – сказала существо, отчего-то не пахнущее вражьем духом. – «Разрешите?»

«Ви-и-и!» – растерянно выплюнул кусик. – «Милости просим!»

Ой, неужели же это он такое сказал?

Да что же творится на белом свете?!

«Ку-ви-и?» – ткнул рыжим пальчиком гость в колечко колбасы. – «Позволите?»

«Ку-у-у-ви...» – кивнул Ваал. – «Отчего нет...»

Орланда с удивлением вслушивалась в церемонную беседу своего питомца с пришельцем издалека.

Само собой, она не понимала звериного языка, лишь по жестам паренька догадываясь, о чем могла идти «речь».

Кусик любезно соизволил поделиться с рыжим своим любимым кушаньем. Колбасой! Это дорогого стоило. Значит, мальчишка и впрямь из *невредных* «чужаков».

Исподтишка, чтобы не смущать гостя, девушка принялась рассматривать его.

Пацан как пацан. Если бы не эти его рожки – практически ничем не отличался от человеческих отроков. Ни тебе хвоста, ни копыт. Мускулистый и тонкий, как тростинка. Ну, может, излишне волосатый. Хотя такое и среди людей бывает. Например, у ее Эомая.

Но видно, что воспитанный. Вкушает пищу основательно и неторопливо, как-то по-взрослому. При этом не забывая подкладывать маленькие кусочки яств своему крикливому ушастому соседу.

– Тебе сколько лет-то? – спросила, не удержавшись.

Глаза-изумруды хитро блеснули.

– Кхм, – прокашлялся. – Сто сорок минуло о прошлом месяце.

– Сколько-о? – изумилась Ланда.

– Вот заливать горазд! – хлопнула по плечу сотрапезника Орландина. – Почти полтора столетия ему!

– Так и есть! – разобиделся Бублик. – Мы, лесные князья, не врем... Друзьям не врем... – поправился.

– Так ты, выходит, старичок совсем... – ухмыльнулась амазонка.

– Почему старичок? – не понял шутки «чужачек». – По-вашему, по-человечьи, мне всего-то тринадцать сравнялось. Вот дедко Вареник, так тот точно старый. Ему, чай, все две тысячки годочков будет...

– Ско-олько-о? – вновь далась диву экс-монашка.

Нет, она, конечно, догадывалась, что сатиры живут дольше людей. Но не настолько же! Надо будет непременно заглянуть в бестиарий.

– Наелся? – прервала светскую беседу Ласка. – Давай о деле. Расскажи сестре все то, что мне заливал.

Бублик с сожалением поглядел на еще ломящийся от недоеденного стол и так тяжело вздохнул, что у хозяйки сжалось сердце. Потом, вспомнив Вареникса и сравнив его с внучком (или кем ему там приходился пацаненок), она невольно улыбнулась. Ну и горазды ж поесть эти «лесные князья» из Куявии.

– Итак, – приступил к повествованию сатиренок, – началось все это...

Да, началось все, кажись, с тех самых пор, как светлый князь Куявский Велимир решил Русь крестить.

И до него в землях куявцев появлялись христиане, но местные жители принимали проповедников Иисусовых как-то с прохладцей. Им и с привычными отеческими богами неплохо жилось.

Опять же, кто таков этот самый Христос? Никто на Гебе о нем отродясь не слыхивал. А то, что баяли забредшие невесть откуда «крестоносцы» (так называли себя закованные в латы мореходы, захватившие две сотни лет тому назад Кандию, переименованную впоследствии в Святой остров), поди проверь. Где она, эта загадочная планета Земля, с которой якобы «приплыли» люди с нашитыми на плащах алыми крестами? Сгинула, как некогда Атлантида? То-то и оно...

Римские августы, хоть и дали волю христианам проповедовать всем и каждому о своем боге, сами не спешили принимать непонятную веру и Иисуса Распятого в официальный пантеон Империи не включили. Потому как не желали молящиеся Христу признавать божественность императора и приносить жертвы перед статуями государей. Ну, не хотят, и не надо. Насильно мил не будешь. Однако ж, в свою очередь, тоже кое в чем права христиан по сравнению с прочими подданными ущемили.

Велимировы дед и отец, привыкшие во всем подражать александрийским владыкам, не привечали молящихся Спасителю, но и не преследовали, хотя некоторые полоумные монахи сами напрашивались на «муки адские», желая «пострадать во славу Искупителя». Таковых по княжескому распоряжению сажали на пару дней в холодную, чтоб поостыли малость, а потом высылали за границу. Негоже, ежели о государях Куявии пойдет в Европе недобрая слава как о варварах, мучителях и душегубцах. Они ж не какие-нибудь аунакские касики, которые до сих пор приносят кровавые жертвы своим жестоким богам, потчуют тех человечьими сердцами.

Первые два десятилетия Велимирова правления также не отличались никакими новшествами. Правил великий князь себе по старинке, по заветам славных предков своих. И вот год назад словно подменил его кто.

Ни с того ни с сего приблизил к себе главу куявских христиан архидьякона Ифигениуса, мужика весьма зловредного, жадного до денег, а по слухам, и до замужних молодич (с девками крутить не решался, ибо куявский закон в этом отношении суров: спортил девку – либо женись, либо мужеска достоинства лишайся). За дурной норой народ прозывал его втихомолку Фигой или Кукишем. Откеле тот лихоимец взялся – никто не ведает. Даже отцы со Святого острова, коих князь попросил возвести его нового любимца в епископский сан. Возвели. Им-то что, лишь бы их вера «в языческих землях торжествовала».

Она и принялась «торжествовать». Согнали всех жителей Клева к Борисфену-Данапру да и окрестили в речной водице. Люди повздыхали, пообсохли... И по-прежнему стали величать старых богов.

Велимир, посчитав, что полдела сделано, малость подуспокоился. И даже жертвы Перуну принес за успешное начало многотрудного пути. Кукиш покривился, но перечить грозному князю не стал (что, мол, возьмешь с закоренелого язычника).

Но тут воротилась из дальних странствий Князева дочка Светланка. И учинила родителю такой разнос, что бедный владыка не знал, куда спрятаться от гнева чада своего. Дескать, как можно служить Богу и Мамоне?! Надобно искоренить ересь! А начать с того, что изгнать из Куявии «всякую нечисть». Это она так о представителях Малых Народцев молвила. О леших, кикиморах, водяных, банниках с овинниками, русалках, домовых... Ой, да всех и не перечислишь.

Фига, найдя такого знатного союзника, воспрянул духом. Организовал из княжих гридней специальную дружину, которая занялась розыском и выдворением «нечистиков» за пределы государства Куявского.

Вот тогда-то и пошел дедко Вареник по наказу обчества во святыя Дельфы, чтоб испросить совета у Аполлонова оракула...

– Что было дате, вы сами ведаете... – сделал паузу сатиренок и, пока сестры переглядывались между собой, запихнул за щеку пирожное.

...Воротясь домой, старый леший явился на княжое подворье и передал Велимиру послание от самого августа Птолемея, а Светлане – от императрицы Клеопатры и цезаря Кара...

– Я тоже ей писала! – возмутилась Орланда. – Просила не обижать бедных «соседей»! Разве не так, Ласка?!

...Как бы там ни было, но обращения столь высоких особ возымели действие. Гонения официально прекратились. Хотя дружина Ифигениуса распущена не была. Объявили, что отныне она служит не для нападения, но для «обороны веры истинной»...

– Хотя по мне сие что в лоб, что по лбу! – прокомментировал Бублик, защекав очередную сладость.

Надо отдать ему должное, не забывал гость потчевать и ушастика. Отчего тот смирно наблюдал, как медленно, но верно исчезают со стола лакомства, отправляясь в поистине бездонный желудок рыжего.

«И куда оно в него лезет?» – дивилась экс-монашка, окидывая взором тощую фигурку бесенка.

Однако ж дурной пример заразителен.

Орланда положила себе на тарелку порцию окорока, запеченного в тесте, и кусочек сыра. Своего любимого, с плесенью.

...Но месяца три назад шаткое равновесие резко нарушилось.

То тут, то там стали пропадать малонародцы.

Конечно, в первую очередь заподозрили Кукиша. Видать, не унялся лиходея. Втихую да в одиночку решил с врагами своей веры разделаться.

Хотя какие ж они «враги»? Большое им дело до чужих обычаев. Тут бы со своим хозяйством управиться.

Дедко Вареник побывал в местах пропаж и понял, что напрасно хулу на Ифигениуса возводили. Тот хоть и блажной, а смертоубийством свою душу не отягощал. Ибо его Спаситель велел: «Не убий!» Выгонять «соседей» выгонял, но и только.

А здесь было понятно, что лесные да водные существа именно *исчезли*.

Навсегда, а не на время.

Это всегда понятно, когда кто-то из НИХ переступает за грань бытия. Особенно тем, кто постарше да посильнее. Но и столетний несмышлениш вроде Бублика кое о чем может догадаться. Тем более когда рядом с покинутым обиталищем родича явственно отпечатывается навий след...

– *Navij?* – переспросила Орландина. – Что бы это значило? Я еще в первый раз хотела спросить, но как-то позабылось.

– Ну, – наморщил лоб пацан, – это... Как бы тебе попонятней объяснить-то?

Озадаченно поскреб лоб между рожками.

– Навьи – это что-то вроде умертвий. Восставшие мертвецы, умеющие превращаться во что и в кого попало.

– Ага! – догадалась Орланда. – Метаморфусы! Вот это кто!

– Пожалуй, что и так, – согласился Бублик. – Но еще страшнее. Потому как нет у них живой души.

– Все равно непонятно, – стукнула кулаком по столу амазонка, едва не прихлопнув мирно прикорнувшего рядом с ней кусика.

Тот испуганно взвизгнул и сверзился на пол.

– Неважно, – сделала нетерпеливый жест хозяйка. – Продолжай.

Навий след сначала озадачил, а затем и испугал старого лешего. Ладно там единожды на оный нападешь. Всяко бывает. Вдруг кто по неосторожности выпустил или призвал чудище. Но коли таковские следы начинают встречаться часто-густо...

Тут уже не до смеху. Как бы плакать горячими слезами не пришлось.

– Что, так опасно? – загорелись хищным огнем охотницы глаза Ласки.

Бублик горестно вздохнул, не забыв оприходовать очередной кусочек пирожного.

– А мы-то здесь при чем? – наконец опомнилась Орланда. – Все тобой рассказанное – это, конечно, очень плохо. Но мы чем можем помочь? Мы ведь не из Малых Народцев и даже не волшебницы!

Сатиренок набычился.

– Дедко Вареник *видел*. Сказывал, что непременно вас известить и покликать надобно. Вы, дескать, пособить беде сможете...

– Ага! – гордо выпятила грудь Лыдинка. – Видишь, сеструха, каково быть победительницами всемирно известного чародея!

– Перестань! – приструнила ее экс-монашка. – Как будто не помнишь, чего нам это стоило?

– Так, говоришь, Вареникс видел? – обратилась она к пришлецу из далекой Куявии. – Где и что?

– А он мне не докладывался, – пожал плечами нечистик. – Сказал, что не моего ума это дело. Не дорос еще. Попросил лишь молвить, что непременно надобно с собой ваши Дивьи Ключи, ну, Амулеты Силы взять. В них вроде бы спасение.

– Ха! – хмыкнула юная наместничиха. – Он был так уверен, что мы по первому же его зову бросим все и помчимся сломя голову в дикие леса? Как бы не так! Что нам за дело до Куявии? Вот если бы это Империи касалось...

– Ланда?! – поразила ее воительница. – Ты что?!

– Не бойсь, дева, – презрительно скривился бесенок. – И до вас дойдет черед. Сказывали, что навий след уже и в Артании видали. А это ведь самый порог вашего царствия.

– Короче! – подвела итог Орландина. – Ты едешь или нет?

– Нет!

– Почему?

– Не могу...

– Муж не отпустит? – фыркнула амазонка и тут же осеклась. – Кстати, а где Эомай?

Теперь уже и хозяйка посмотрела на нее с нескрываемым изумлением.

– Как? Разве тебе Стир не сказал?..

– Да не видела я его еще сегодня! С утра куда-то заваялся. Наверное, в каком-нибудь трактире вдохновение ищет!

– Так они же ночью вместе с Эомаем уплыли...

– За каким дьяволом? Вино в ваших подвалах перевелось, что ли?!

Экс-монашка с подозрительным прищуром оглядела притихшего Бублика, прикидывая, можно ли при нем говорить сокровенное.

«Пожалуй, можно», – решила.

– В полночь из Александрии прибыл гонец от Потифара. С августом плохо. Не жилец наш государь Птолемей. Вот и позвал верховный советник всех верных людей, чтоб к престолу были поближе. Не ровен час какая заварушка... Арторий-то так и не присмирел... Волком жадным на трон смотрит... А наш друг Кар слишком молод... Нуждается в помощи...

Худая новость поразила Орландину. Вот уж точно: пришла беда – отворяй ворота.

– А мой Стир при чем? – спохватилась.

– Так он ведь член жреческой коллегии, верховный авгур Сераписа...

– Ну да...

Ласка никогда всерьез не воспринимала казавшееся ей слишком уж декоративным жреческое звание супруга. А вот ведь как повернулось.

– И ведь, главное, мне ничего не сказал...

Обида комком подкатила к горлу.

– Когда вернутся, не говорили?

– Нет. Но, думаю, не раньше чем через месяц. Понимаешь теперь, что я не могу сейчас оставить город? Как бы мне этого ни хотелось, не могу, – прижав руки к груди, виновато улыбнулась сатиренку Орланда.

– Знамо дело, – кивнул тот. – На хозяйстве осталась.

Умоляюще воззрившись на вторую сестру.

– А что я?

И решительно прищелкнула перстами.

– Я женщина свободная, нечиновная. Могу и попутешествовать...

– Ур-ра-а!! – повисло у нее на шее чудо лесное.

– Без фамильярностей! – с деланой суровостью хлопнула его пониже спины амазонка. – Вперед, собираться, пока не передумала!

– Ты точно решила ехать? – справилась хозяйка дома. – Не хочешь подождать, пока наши мужчины вернутся? Тогда бы все вместе чего и придумали...

Воительница решительно тряхнула коротко стриженными волосами.

– Сама же слышала, время не ждет. Нужно опять спасать мир. Как он, такой маленький, без могучей меня? Топай, парень! – подтолкнула сатиренка к выходу.

На пороге обернулась.

– Если удумаешь присоединиться ко мне, жду в Киеве. Или там же оставлю весточку. А Стиру передай... – Задумалась. – Скажи, что я его очень люблю... И... надеюсь на его помощь...

Глава 7

МАГИЯ ЧЕРНАЯ И ЗЛОВЕЩАЯ

Чернобыль, Старый лес под Киевом

Пройдя примерно с час (береженого и Великий Темный бережет), Файервинд наконец решила, что пора остановиться. Осталось лишь выбрать место, где можно будет спокойно и без проблем допросить наглых монахов.

А между тем места, куда она углублялась, доброй славой отнюдь не пользовались. Напротив, по слухам, лес, прозванный Старым, был давно облюбован нечистой силой. Именно тут, мол, волкодлаки-оборотни и справляют на залитых лунным светом глухих полянах свои волчьи свадьбы: ведь только в это время, как известно всякому, они могут продлить свой нечестивый род. Сюда частенько летают на шабаш ведьмы и водят ночные хороводы крылатые нетопыри-бурхуны.

Говорили, что под глухими болотищами и древними валунами скрываются бездонные дыры, ведущие вниз. Местные жители твердо убеждены, что под лесистыми курганами, сложенными, по легенде, воинами самого Рамы, таится вход в огненное подземное царство. Из него злые духи, живущие глубоко под землей, просачиваются сквозь камни и бродят по чаше в ореоле черного сияния, распространяя вокруг удушающий запах серы...

А под лесом кроются пещеры, тянущиеся во все стороны и доходящие до самого моря Черного.

Если верить древним преданиям, именно тут черные волхвы учили своих преемников всей их противной светлым богам премудрости и посвящали в служение.

Рассказывали, что один из пастухов, забредших сюда в поисках отбившейся от стада коровы, спустился в пещеру, вход в которую он обнаружил на месте вывороченной грозой старой сосны. Стоило ему пройти несколько сотен шагов, как раздалось страшное хрипение и сип, а стены пещеры затряслись и быстро стали сжиматься. Бедолага едва успел унести оттуда ноги. Люди долго судили-рядили, что это может быть, говорили даже, что не иначе как та пещера была ноздрей огромного дракона, который спит уже тысячу, а то и больше лет.

По рассказам, встречались тут и призраки, глумливо хохотавшие вслед припозднившимся путникам с вершин деревьев, и какие-то карлики, и даже человечьи черепа, будто бы бегавшие по лесным тропинкам на длинных, паучьих ножках, и сам Дикий Охотник со своей страшной свитой.

Видели тут много кого, но что было известно точно – в этом лесу, случалось, пропадали отправившиеся по ягоды и грибы дети и скот. Хотя виной тому могли быть и обычные волки или медведи...

А семь лет назад, в год появления в небе огненного шара, пастухи из окрестных деревень обнаружили в лесу участок выжженной земли с «бездонной дырой» посередине.

Что во всем этом истина, а что досужие вымыслы, сказать с точностью никто не брался. Но дурная слава этих мест заставляла избегать их не только купцов, без крайней нужды старавшихся избегать лесные дороги – те, кто этим пренебрегал, иногда бесследно исчезали, – но (похоже, это подтверждало, что дело и впрямь нечисто) и разбойников.

Как бы там ни было, все сходилось на том, что Старый лес – место недоброе, и лучше держаться от него подальше.

Может статься, если бы незваная гостья знала о жуткой славе места, она бы вела себя осторожнее.

Впрочем, вряд ли...

Ведь Файервинд за прошедшие годы уже привыкла не воспринимать себя как обычного человека и вряд ли всерьез приняла бы рассказы темных людишек, не знающих истины. И поэтому, когда вдруг навалилась странная тяжесть, а в ушах прозвучал долгий тягучий звон, она не сразу даже сообразила, что это такое. Недоуменно уставилась на пыхтящего кабана, но тот знай себе трусил с немалым грузом в зубах, будучи тварью насквозь примитивной и прагматичной.

Будь у нее конь, с запоздалым сожалением подумала чародейка, тот бы определенно почувствовал больше – лошади неплохо ощущают магию, и по реакции скакуна даже можно понять, что за волшебство. Сама же Файервинд разобрала лишь то, что заклятие, которое ее коснулось, было очень и очень старым.

Ничего интересного тут больше не было, за исключением того, что рядом начиналась одна из Старых Троп, выводившая аккуратно под стены Киева.

Плюнув, колдунья последовала дальше, браня непонятное место и непонятную магию...

Знала бы она, что ее угораздило нарушить охраненный круг места, о котором даже чернобыльские жрецы не подозревали.

Какой из колдовских амулетов, спрятанных в поясе ведьмы, прошитом изнутри кожей давно вымершей змеи глорха, скрывая их от взора жреца и простого колдуна, отомкнул давным-давно возведенный барьер – неведомо. Да и было это уже неважно...

Кабан впереди громко зафыркал, и Файервинд вышла на небольшую полянку, на которой с недоумением узрела нечто вроде сложенных из трех исполинских валунов каменных врат, за которыми стоял дом.

Чародейка озадаченно хмыкнула.

Перед ней была массивная изба из окаменевших от времени бревен, крытая полусгнившим тесом.

Жилье не совсем обычное для Куявии. Тут все больше обитали в симпатичных хатках из мазаной глины, крытых камышом, а уж самые бедные – в полуземлянках.

Избы рубили саклабийцы и артанийцы да еще лехи...

Избушке на вид было лет сто, хотя что-то подсказывало колдунье, что место это гораздо древнее.

Когда она вошла в жилище, то невольно присвистнула.

В красном углу обширного дома стоял неровный ступенчатый алтарь из грубо тесанного гранита. А на алтаре расположились разномастные идолы. Да какие!

Казалось, хозяева задались целью собрать тут всевозможных злых или просто недобрых богов, божков и боженят, известных в сих краях.

Изъеденные временем деревянные идолы, чур-баны (князя чуров), каменные древние изображения, среди которых она с неприязнью увидела гиперборейскую Великую мать.

Скифские и киммерийские кумиры с чашами в грубых ладонях, предназначенными явно не для кобыльего молока. Из каких, интересно, курганов их вырыли?

Как-то даже затесался атлантский Чернокрыл – если Файервинд не запомнила – из свиты Миктлантэкутли.

Тревога наполнила сердце Файервинд – куда завела ее судьба? Каким богам, или, что вернее, – демонам, тут служили? Какие силы призывали?

Ни надписей, ни знаков, которые могли бы ей что-то подсказать, она не увидела, и это заставило Файервинд еще сильнее напрячься.

Первое, чему учили Высшие человеческих детей, отобранных для служения на магической стезе, – не верить в совпадения.

Другое дело – как их правильно истолковать...

Ведьма напрягла все свои немалые способности в полную силу. Но ничего, кроме приступа головной боли, это ей не принесло. Похоже, все силы этого места умерли или оставили его много веков назад.

Ах, если бы Файервинд знала, как жестоко она ошибается!

О том, что древнее зловещее предсказание, которому обязан своим существованием странный запрет на строительство здесь кузниц и гончарных печей, во многом связано именно с дурной репутацией данной местности...

Что служители Чернобога избегали даже говорить об этом месте, хотя знали, что тут когда-то соприкасались подземные и надземные миры. И не говорили именно ради того, чтобы не привлекать лишнего внимания к зловещей тайне. Что, наконец, ради этого тут не выставили охрану, ибо охраняемое поневоле привлекает чужой взор. Хотя если бы знали все тайны, то наверняка не пожалели бы сил, чтобы обнести проклятый лес неприступными стенами с неусыпным караулом.

Впрочем, что толку сожалеть о невозможном?

Хрюканье кабана вывело ее из недоуменных раздумий.

Надо было делать дело, ради которого пришла сюда.

Выйдя, она пару раз всхрюкнула. Секач осторожно втащил пленников в избу и, радостно повизгивая, удалился.

А Файервинд занялась пленниками.

Оттащив их к огромному, вытесанному из дубового комля столу, она связала их тем особым способом, которому научил ее беглый ниппонский ниндзя, за какие-то заслуги привеченный народом ти-уд. Вроде и шнурки тонкие, и узлы простые, а ни освободиться, ни разорвать путы – малейшее движение, и петля туго сдавливает шею.

Быстро перебрала скудный скарб. Одежда наверняка отобрана у бродяг и нищих, припасов – высохший чеснок и несколько черных сухариков. В кошельке – одна стершаяся до неузнаваемости медная монетка неведомого царства.

Перед ней были самые жалкие разбойники, каких только можно представить.

Правда, клинки у них не разбойничьи – явно ковались хорошими мастерами.

Причем не краденые – чутье говорило, что мечи помнят руки именно этих прощелыг.

И еще странная магия.

Кстати, вот ею и займемся.

Файервинд разложила на позаимствованном у Парсифаля платке свои колдовские причиндалы.

После некоторых раздумий идея применить Руны Поиска ею была отвергнута – дело это требовало внимания и ювелирной точности, как и вся Рунная Магия.

А ползать по полу, вычерчивая замысловатые символы, у нее не было ни желания, ни времени.

Чары Огненного Глаза тоже не подходили – для этого пришлось бы отрезать у пленников ну скажем палец (либо что другое, более важное), сжечь его, а потом уже, глядя в огонь через Стекло Вечности, узнать, в чем тут дело.

Оставался Кристалл Памяти – особый камешек, притягивавший к себе остаточную магию.

Их у Файервинд было всего два.

Хотя копи, где добывали такие камни, давно уже покоились на дне холодного океана, поглотившего многие земли, амулеты эти никогда не считались особо ценными. Кроме того, Мар-Гаддон был хотя и строг к своей лучшей ученице, но никак не мелочен.

Так что, пусть и не без колебаний, она принялась водить маленьким искристым камешком над по-прежнему бесчувственными телами. Закончив действие, долгие минуты она всмат-

ривалась в глубь амулета. Потом устало откинулась на скамье, на секунду спрятав лицо в ладонях.

Сомнений не было – эти люди не далее как полгода назад соприкасались с магией того самого загадочного чародея, за наследием которого она охотилась в Британии по воле Мар-Гаддона. Ее последнее задание неожиданно напомнило о себе.

За спиной колдуньи послышался хрип, сдавленные проклятия. Пленники очнулись.

Мельком Файервинд подумала, что, может, она и в самом деле, как говорит Учитель, теряет сноровку – полагала, что в ее распоряжении будет еще час.

Ну, ладно, будем работать.

– Здравствуйте, – поворачиваясь, улыбнулась ведьма во все тридцать два белых превосходных зуба. – Вы у меня в гостях, так что вам не о чем беспокоиться... Кто же вы такие? Назвались бы уж...

Оба рыцаря ответили ей мрачным сопением, очевидно, проверяя украдкой крепость пут.

– Отвечать надо, когда с вами говорит хозяйка, гостюшки дорогие... – Файервинд недобро сдвинула брови.

Воздух рассекла невидимая плеть, и Гавейн с Парсифалем синхронно взвизгнули, со страхом принявшись оглядываться.

«То ли еще будет!» – про себя фыркнула Файервинд.

– Так кто же вы такие?

– Мы... смиренные слуги Господа нашего... – проблеял Гавейн, – Прости нас, дева лесов. Видно, бес помутил наш разум, что мы покусились на столь прекрасную и достойную даму...

– А, так, значит, вы монахи?

– Монахи... Монахи... – залопотали экс-рыцари.

– Да? И из какого же вы ордена, святые отцы?

– Мы из монастыря святого Тука! – взвизгнул бородач.

– Да-да! Святого Тука! – подхватил тевтон.

– Стало быть, из монастыря святого Ту-ука... – с ухмылкой, от которой у двух бывалых и не самых трусливых людей затрепетали поджилки, протянула Файервинд. – Добро... Как насчет того, чтобы пострадать за веру, монашки? Видите, – она обвела дланью усевшихся вокруг алтаря богов. – Они тут давно одни-одинешеньки, никто за ними, бедными, не смотрит. Надо их угостить, а? А то неудобно. Они ведь тут хозяева, а мы – гости. Кровушки давно, бедные, не пили...

Файервинд ласково провела ладонью по голове Чернокрыла, и казалось, тот довольно мурлыкнул.

Старший из пленных, темноволосый и бородастый, испуганно дернулся, зато тевтон, взревев, рванулся было к ней – и спустя несколько мгновений с побагровевшим лицом обмяк. Его выпученные глаза вращались от бессильной ярости, смешанной с ужасом.

– Ну что, будем говорить правду или мне таки напоить здешних хозяев вашей кровушкой?

– Мы... будем... говорить... – запинаясь, пробормотал Гавейн.

– Всю правду? – насмешливо прищурилась Файервинд.

– Всю! – выдохнул, сипя, Парсифаль.

– Ладно...

На столе появился предмет, до ужаса напомнивший связанным бродягам миниатюрную виселицу. В жильной петельке болталась позеленевшая статуэтка непонятного уродца.

– Значит, так, – важно изрекла чаровница. – Это Весы Истины. Посвящены они богу правды и... Ладно, это не для ваших ушей, презренные... Так вот, стоит вам солгать или даже промолчать о чем-то важном, и этот вот дружок, – щелчок длинного ногтя по скрюченной

косяной статуэтке, – начнет качаться... Точно так же, как будете качаться в петле и вы, если не прекратите врать. Ну, давайте, что ли, исповедуйтесь... святые отцы!

Про себя Файервинд только что не смеялась, глядя на белые от страха лица пленников.

На самом деле эти «Весы Истины» она соорудила за пару минут из подручных средств.

Заставить фигурку качаться с ее способностями к телекинезу, сбивавшими с ног воина в полной броне, было проще простого. А ложь от правды она научилась отличать еще в пятнадцать лет, по завершении первого круга обучения.

И они заговорили...

Заговорили много и часто, не скрывая ничего, испытывая страх пополам с облегчением.

Если кто-то вдруг запинался, колдунья взглядом заставляла жутковатый «маятник» колебаться быстрее, и тогда оба принимались вновь наперебой говорить, выкладывая свои самые сокровенные тайны.

По ходу дела Гавейн признался, что поступил в орден Мечехвостов, потому как оказался замешан в заговоре против своего дяди, лорда Нортумбрийского, и боялся разоблачения, а Парсифаль повинился в соращении падчерицы своей тетки.

Наконец Файервинд сделала знак замолчать.

А когда Парсифаль что-то пытался продолжить, ведьма простеньким заклятием заткнула ему рот.

Несколько минут она провела в напряженном раздумье.

С одной стороны, как будто не стоило менять планы из-за двух не очень много знающих болванов, хотя новости, ими сообщенные, стоили дорого. (Одну историю с драконом и превращенным (превращенным!!!) в осла человеком взять.)

Вначале она даже подумывала – не связаться ли с Мар-Гаддоном и не доложить ли о том, что в ее руках находятся люди этого самого Мерланиуса.

Но чтобы добраться до ближайшего из Камней Слова, с помощью которых Высшие поддерживали связь со своими земными соглядатаями, слугами и агентами, требовалось не меньше двух дней конного пути.

– Ладно, – наконец встала она, приняв решение. Лица пленников, и без того бледные, стали белей муки. – Вставайте уж... рыцари Стоячего Круга.

Парсифаль и Гавейн ощутили, как с них падают путы.

– Значит так, – объявила Файервинд как ни в чем не бывало. – Отныне вы у меня на службе. Будете верно служить, награжу так, что ваш Арторий еще завидовать вам будет. А вздумаете сбежать или, не дай Тьма, поднять на меня руку...

Она вдруг свела руки вместе. Между ними разлилось неприятное лиловое сияние... И оба друга вдруг увидели, как стремительно разрастаются вокруг стены, как становится просторной их одежда, как ведьма на глазах превращается в невероятную великаншу из страшной сказки...

Еще мгновение – и на щелястом полу избушки сидели две серенькие мышки.

– Вот так, герои! – хлопнула со смехом в ладоши Файервинд. – Было два глупых злых мужика, а стали две такие милые мышки! Может, вас такими и оставить? – Грызуны жалобно запищали в ответ. – Скажите спасибо, что помощь ваша нужна...

Вновь фиолетовый проблеск, и на полу уже снова стояли Гавейн и Парсифаль в прежнем облике – правда, совершенно голые.

Переглянувшись, они синхронно бухнулись перед своей новой повелительницей на колени.

– Одевайтесь, мальчики, – непринужденно рассмеялась Файервинд, успевшая по достоинству оценить сложение обоих парней, особенно блондина. – Слушайте мой первый приказ. В столярном деле чего-нибудь соображаете? Нет? Придется поучиться!

Хотя голова ее трещала, виду подавать было нельзя. Мужланы должны свято верить, что для великой чародейки обратить их в серых грызунов – раз плюнуть.

Конечно, в мышей она их *не превращала* — это даже Высшим не всегда удается.

Заклятие Образа, примененное ею, лишь заставляло самого околдованного и его окружающих видеть в нем то, чей образ на него наложен – будь то слон, мышь или, например, царь зверей. На заговор, кстати, ушла немалая толика заряда в Амулете Силы.

Но дело того стоило. Люди, идущие в дружину Велимира и даже имеющие там знакомых, были ей очень кстати.

Через пару минут уже одетые Гавейн и Парсифаль, повинувшись ее указаниям, обтесывали мечами свежесрубленные молодые деревья и связывали их ремнями, нарезанными из куртки Парсифаля.

Вскоре были готовы вполне качественные, хотя и неказистые носилки.

– Ну, мальчики, – изрекла Файервинд, забираясь на свежесделанное транспортное средство. – Сейчас отправляемся в Клев.

– В самый Киев? – убито спросил Перси, но был остановлен разъяренным взглядом Гавейна, мол, обратно в грызуна захотел?

– Не волнуйтесь! – облизнулась чародейка по-кошачьи. – Мы пойдем другим путем – коротким.

Через пять минут они уже подходили к Старой Тропе.

Стражники Золотых Ворот славного Киева много чего повидали на своем веку.

Но новое зрелище весьма их удивило.

По дороге двигались, явно изнемогая от усталости, два человека – могучий бородатый здоровяк и худощавый смазливый парень.

На плечах своих они тащили самодельные носилки, накрытые тентом из наскоро переколенного плаща. А в носилках, на набитых сеном подушках, вольготно расположилась красивая молодая женщина...

Свет ущербной Селены – тусклый, гнилушечный – падал на покинутое невесть когда капище. В его лучах колебались мертвенные тени, словно души загубленных тут людей и иных существ, обладающих мыслью и речью, до сих пор неслышно витали над этим местом.

Колдовской щит, прорванный вторжением северной ведьмы, уже затянулся, но это не имело никакого значения. Исправить дело уже не могли даже боги – ведь они, вопреки мнению верующих в них людей, не всемогущи и не всеведущи.

Мудрецы давно полагают, что самые жуткие дела и самые великие бедствия имеют исток в мелочи.

Так случилось и на этот раз.

Лунный луч прошел сквозь окошко полуразваленной избенки и лег на брошенный чародейкой поисковый амулет, в глубине которого еще тлели искорки чужой этому миру магии.

И отразившись от него, упал еле заметным отблеском на старый каменный алтарь.

Крошечный, еле заметный ответ...

Жалкий блик, видимый лишь самому острому зрению.

Но почему-то именно там, где он коснулся старого камня, тот начал сиять в ответ. Сперва слабо, потом все сильнее...

Увы, никто не мог видеть творящегося тут. Да и не всякий посвященный разобрался бы, что происходит в заброшенном месте Силы.

Маги чуди белоглазой кое в чем ошибались.

Мест, где миры живых соприкасаются с мирами Иных, куда больше, нежели им казалось.

И сейчас магия, пришедшая со звезд и из иных пространств, открывала врата, отпереть которые в давние времена тщетно пытались обитавшие в заколдованном лесу.

Да, будь здесь сейчас Файервинд, она бы лишний раз убедилась, что в одном ее Учитель был прав – совпадений не бывает.

Глава 8

ВЕЛИКИЕ ПРОЖЕКТЫ

Киев, начало июля

Клев произвел на экс-рыцарей Круга Стоячих Камней двойственное впечатление.

Удивительная смесь варварства и цивилизации.

Через весь центр города, пересекая его на две части, шла вполне современная дорога, явно построенная знатоками своего дела. (Как выяснилось позже, ее и впрямь сооружали имперские градостроители, специально выписанные из Александрии отцом нынешнего кюявского владыки, князем Радогастом.)

И как странно было видеть по обе стороны этого чуда архитектурной мысли нелепые бревенчатые здания в два-три этажа, называемые местными жителями *horomi*. Так именовались особняки здешних патрициев. Но ничего общего с привычными инсулами и домусами имперских метрополий, как ни пытались напрячь воображение путешественники, у этих самых «хором» и близко не было. Ни стройности, ни изящества. Груды почерневших от времени и ошестившихся острыми концами бревен. Высокие крыши с «коньками». Затянутые чем-то полупрозрачным окна. Только резные или расписанные петухами ставни хоть как-то оживляли мрачные фасады.

Бок о бок с хоромами стояли лавки, лавчонки и таверны. А вот они уже один к одному были слепком с привычных, имперских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.